

18+

Игорь ЯКОВЛЕВ

ПЕРВОКЛАШКА

Игорь Яковлев

Первоклашка

«Издательские решения»

Яковлев И. В.

Первоклашка / И. В. Яковлев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-988334-6

Книга художественная. Однако интересна она будет и любителям приключений, и тем, кто занимается самопознанием, саморазвитием, и ценителям популярной психологии. Доступный язык, нестандартный сюжет, мудрые ответы на многие жизненные вопросы сделают книгу «настольной» для всех, кто по крупицам формирует понимание о себе и своём жизненном пути...

ISBN 978-5-44-988334-6

© Яковлев И. В.
© Издательские решения

Содержание

ОТ АВТОРА	6
ЧАСТЬ I	7
ЧАСТЬ II	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Первоклашка

Игорь Владимирович Яковлев

Ирина Анатольевна Шишкова *Дизайнер обложки*

© Игорь Владимирович Яковлев, 2020

© Ирина Анатольевна Шишкова, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-8334-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Что это – фантастика? Мистика? Эзотерика? Психология позитивного мышления? Или вполне реальный художественный образ? А может, не напрягать свой изобретательный ум в поисках определяющего жанра этой книги, и просто безоценочно довериться потоку информации, как это бывает, когда мы слушаем рассказ друга об увлекательном путешествии? А потом прислушаться к своим ощущениям, чувствам, желаниям... Попробуем?

ОТ АВТОРА

Те, кто занимается своим духовным развитием, наверняка знают: при накоплении определённого объёма знаний, опыта, возникает желание обмениваться этим опытом с другими людьми. Не «ради чего-либо», а просто по велению души. Книга, которая попала вам в руки – это для меня одна из форм, один из способов поделиться с вами тем, что я накопил, пропустил «через себя», осознал. Здесь нет «автобиографических» фактов: на 99% все модели ситуаций созданы мною самим, однако эмоциональные переживания главного героя очень во многом схожи с теми, которые мне доводилось переживать в реальности. Способ «подачи» подобных знаний через художественные образы не нов. Карлос Кастанеда, Ричард Бах, Пауло Коэльо, Бернар Вербер... Вы найдёте десятки примеров в литературе! Мне не было важно «новаторство». Мне очень хотелось, чтобы эта книга стала тем самым «случайным» моментом для моих читателей, в первую очередь соотечественников, который заставит задуматься, или подскажет ответы на жизненно важные вопросы, или станет «отправной точкой» для радикальных перемен в судьбе, как в своё время для меня стали книги Крайона.

В «Первоклашке» вы найдёте цитаты с подписью «Осенизмы». Это отрывки из не издававшегося ранее сборника мыслей, приходящих мне в определённых состояниях «озарения». Очень хочется, чтобы всё пригодилось. Был совершенно искренен с вами.

С любовью, Игорь Яковлев

ЧАСТЬ I

Мы не похожи на время, это оно пытается нас скопировать, но не успевает...

И. Яковлев, «Осенизмы»

Ни один духовный тренер, наставник, ни один психолог, или врач, ни один самый мудрый наш друг, или родственник не даст нам готового рецепта решения НАШИХ проблем!

Окружающие могут лишь дать нам инструменты для создания такого рецепта, либо подсказать, где эти инструменты можно найти. Как свои проблемы, так и лекарства от них, мы создаём сами.

И. Яковлев, «Осенизмы»

Глава 1

Захар даже не спал, а, скорее, «домучивал» остатки ночи. Как, впрочем, частенько случилось с ним за последние несколько лет. Это был тот самый «сон пьяницы», неизменно сопровождающий жизнь людей, с достаточной регулярностью увлекающихся алкоголем. Вначале Захар «вырубился», едва коснувшись подушки. Часа через три-четыре он проснулся от нестерпимо-саднящего ощущения в глотке. Рефлекторно возникшее глотательное движение вызвало в слипшемся от сухости рту ощущение, что по языку кто-то бесцеремонно провёл грубой наждачной бумагой. Захар застонал. Он с огромным трудом нашёл в себе силы встать и, качаясь, и задевая дверные косяки, добрёл в темноте до ванной. Открыв кран с водой, сильно отдающей хлоркой, он жадно сделал несколько крупных глотков и обессиленно сел на край ванны. Его мучило. Подержав ещё какое-то время голову над раковиной, он с невероятным усилием поднялся, и, проделав обратный путь, вновь повалился на половинку «горбатого» раскладного дивана, морщась от ощущений в собственном теле, и от залиvisto-булькающего храпа спящего рядом коллеги по работе и, по совместительству, давнишнего товарища-собутельника Михаила. Наступало утро воскресенья...

Захар ушёл с работы вместе с Михаилом в пятницу вечером. Идя привычным маршрутом, они зашли в пивной магазин с «непреодолимой» вывеской: «Пив-стоп. Магазин дозаправки пивом». Взяв «для рывка» две двухлитровые «баклажки» недорогого пива, сухарики, и пакетик с тонко наструганным мяском высушенной рыбки с каким-то диковинным «заморским» названием, мужчины вскоре уселись за кухонный столик в тесной и редко убираемой однокомнатной квартире холостяка Михаила с «благодной» целью: «немного расслабиться после трудовой недели». Наступал третий день напряжённого «расслабления»... У Захара начала с нарастающим упрямством ныть голова. Мелькнувшей картинкой вспомнились неоднократные телефонные попытки жены Лизы вернуть его домой и по-хорошему, и угрозами. Он вспомнил, что вначале пытался придумывать какие-то «уважительные» причины своего отсутствия, потом перешёл на ругань, и дело закончилось очередной ссорой, столь частой за последние годы. Завершающий вчерашний звонок был от дочери, явно «наученной» мамой по поводу слов, которые надо сказать папе. Захар, с уже прилично затуманенными мозгами, пробормотал в ответ традиционное: «Доча, всё нормально», – и отключил телефон...

Одновременно с острым желанием заснуть, Захар столь же остро ощущал все неровности дивана, на котором лежал; невыносимую головную боль; запах царившего в комнате двухдневного перегара; вновь появившуюся мучительную сухость во рту и подкатывавшую волнами тошноту... Незаметно для себя, он погрузился в какое-то странное состояние, которое не было похожим на традиционный сон, потому что Захар совершенно реально чувствовал себя участником происходящего. При этом происходящее было, как будто бы, продолжением переживаемых им наяву событий, только совершенно безо всяких отвратительных физических ощущений... Утренняя заря вступала в силу, и комната постепенно наполнялась каким-то необычным янтарным светом. Захар встал, и, сунув ноги в шлёпанцы, пошёл на кухню. Тело

было удивительно лёгким. На кухонном столе и в раковине всё находилось в строгом «антипорядке». Составляющие элементы хаоса в виде пустых пластиковых и стеклянных бутылок, кружек, рюмок, тарелок с засохшими остатками пищи, валяющихся там и тут сухариков, пакетов и даже Мишкиных носков, придавали кухне вид американской военной базы Пёрл-Харбор после японской бомбёжки. От всего этого бедлама исходил такой запах, что Захар поморщился даже во сне. Единственным, что придавало жизненность столовому помещению, был всё тот же яркий янтарный свет, совершенно не слепящий глаза. Захар развернулся, и, не заходя в комнату с горбатым диваном и зазывно звучащей «храповой сонатой» в исполнении Михаила, вышел на лестничную площадку. Ничуть не смущаясь того факта, что из одежды на нём всё ещё оставался «гламурный комплект №1» в составе: «майка-гусы-тапочки», Захар уверенно шагнул по лестнице вверх. Странно, но он несколько не был удивлён своей уверенности, что идти нужно именно туда, куда он двигался, как будто делал это далеко не впервые. Не удивлял его и ещё один, совершенно нестандартный факт. Захар преодолел уже значительное количество пролётов, а лестница и не думала заканчиваться, хотя квартира его товарища располагалась на четвёртом этаже, а дом был пятиэтажным. Да и само слово «шёл» не совсем подходило для обозначения процесса передвижения Захара. Едва коснувшись ногой одной ступеньки, он каким-то невероятным образом «перелетал» через несколько следующих, потом приземлялся на вторую ногу, и всё повторялось вновь. Происходил весь этот процесс очень легко, и, главное, Захар совершенно не чувствовал ни одышки, ни тяжести в ногах, как это стало случаться с ним в последнее время при подъёмах по лестнице. Он достаточно быстро освоил своё «нестандартное» состояние, и даже стал регулировать дальность и скорость «перелётов», то сильнее, то слабее отталкиваясь от ступенек. Насладившись ещё немного ощущением «полёта», Захар вдруг увидел неподалёку от себя массивную тёмную дверь из непонятного материала, немного напоминавшую ту, что вела в кабинет директора на его работе. «Что-то в ней не то», – подумал Захар, и почти мгновенно его осенила догадка: «Ручки! На ней ведь нет ни одной ручки!» Подойдя поближе, он протянул руку, чтобы удостовериться, что ручки действительно отсутствуют, и...

Трудно передать, что ощутил он в следующее мгновение. Страх не было несколько, у Захара просто захватило дух от ошеломляющей новизны этого совершенно реального ощущения! Он даже повторил своё движение рукой ещё и ещё раз... Всё подтверждалось: рука свободно проходила сквозь дверь, совершенно не ощущая её плотности! Захар вдруг вспомнил кадры из какой-то американской философско-мистической мелодрамы, которую они с женой смотрели ещё в начале 90-х в одном из многочисленных тогда полуподпольных частных видеосалонов. Там главный герой, погибший на дороге, продолжает видеть всё происходящее в совершенно неискажённом виде, и даже пытается участвовать в реальной жизни, но оказывается, что он находится в некоем бесплотном состоянии и может свободно проникать сквозь твёрдые предметы. Это почему-то развеселило Захара. Абсолютно по-детски улыбаясь, он осторожно, всё ещё не до конца веря в происходящее, попытался прислониться к двери лбом. Голова совершенно свободно и беспрепятственно провалилась в «позадверное» пространство. Тут Захар на долю секунды потерял равновесие, усердно вытягивая шею вперёд. Он полувалился-полувлёкся в какую-то необычную, огромных размеров комнату. Стены комнаты были совершенно пусты. Вся она едва уловимо переливалась разными оттенками того самого приятно-янтарного света, который Захар заметил ещё на кухне у Михаила. В центре комнаты стоял странно вытянутый огромный стол, сделанный из того же материала, что и входная дверь. За длинным столом сидело множество людей, одетых, как один, в какие-то странные похожие одежды, напоминавшие не то лохмотья средневековых дервишей, не то сверхсовременные модные платья, собранные из разноцветных переливающихся лоскутов тканей. Вглядевшись в лица людей, Захар вначале даже немного опешил: большинство из собравшихся за странным столом были его родственники и давние знакомые. Среди них в добром здравии,

и даже в довольно весёлом настроении, находились люди, которых он, Захар, лично провожал в последний путь! Были и те, кого он видел впервые. Однако это не мешало им оживлённо переговариваться с родными Захара, как со старыми друзьями, и при этом доброжелательно улыбаться. Все присутствовавшие в комнате люди были сосредоточены на просмотре какого-то кинофильма, который демонстрировался на огромном экране, висящем за противоположным краем стола.

На Захара никто не обращал внимания. Экран, на который все смотрели, имел довольно странный вид. Удивляли не столько его размеры, сколько факт отсутствия видимой опоры, на которой он, согласно здравому смыслу, должен был находиться. Это не был ни привычный киноэкран, который Захар привык видеть в кинотеатре в двух кварталах от своего дома, посещая сеансы мультсериалов с маленькой дочерью по её просьбам; ни обычная плоская «плазма», как та, которую он успел «ухватить» на распродаже в торговой сети «Эльдорадо». Изображение как бы висело в пространстве комнаты, появляясь из «ниоткуда». Нечто подобное Захар видел в юности в одном из телефильмов фантастического жанра. Не менее удивительными оказались и сами люди при более детальном рассмотрении. Он хорошо различал черты их лиц, оттенки цветов одежды, однако при этом не было ощущения плотности тел, они были будто бы немного «размыты», как при ненаведённом фокусе в бинокле. И экран, и зрители создавали ощущение неких оживших голограмм. Захар продолжал оставаться чуть поодаль от них, испытывая не страх, а нарастающий интерес. Изумление его достигло апогея, когда Захар обратил внимание на сюжет фильма, который так внимательно наблюдали присутствовавшие. Фильм оказался... про него самого! На «парящем» экране демонстрировалась его, Захара, жизнь, причём в самых мельчайших подробностях и деталях! Он стоял, будто замороженный, забыв где он, и кто он, во все глаза наблюдая происходящее. Мелькали кадры его «советского» детства...

Вот Захар с мамой пробираются к дому сквозь сильную вьюгу, заметающую всё вокруг. Ему 3 года. Он укутан в свитер, пальто, детские валенки, шапку с опущенными ушами, завязанными на подбородке, и шарф до самого носа. Сверху мама ещё зачем-то обвязала его своим серым пуховым платком. Получилась неуклюжая и неудобная «конструкция», которая здорово мешает двигаться. В какой-то момент мама отпускает руку, он отстаёт на несколько шагов, и ветер сбивает его с ног. Захар падает лицом в снег и не может подняться из-за того, что одежда сковывает любые движения. Его почти сразу начинает заметать снегом. Он слышит мамины крики, доносящиеся сквозь порывы ветра, но не может ответить, продолжая лежать лицом вниз и слизывая языком с губ и подбородка налипший снег... Нет, в тот момент у него почему-то не было страха. Видимо, весь страх ушёл к маме. Потом Захар сидел дома за столом в кухне и пил горячий чай с батоном и кизилковым вареньем. В дверной проём он видел часть единственной в их квартире комнаты, где отец хлопотал над лежащей на диване мамой. Она почти не двигалась и не разговаривала. На лбу у неё лежала какая-то мокрая тряпочка. Вот именно тогда Захар впервые сильно испугался и заплакал: ему показалось, что мама умирает...

Он на секунду опустил глаза с экрана и за удалённым от него краем стола увидел маму и отца. Они что-то обсуждали, не замечая его. Удивлённый, он хотел было подойти, чтобы поговорить с ними, но на экране замелькали новые кадры, и Захар отвлёкся...

Уже в десятилетнем возрасте он, в красной пилотке и с повязанным на шее красным галстуком, стоит на линейке в пионерском лагере «Альбатрос». Линейка заканчивается, отряды расходятся, и они с закадычным приятелем Пашкой бегут через лесок к небольшой речке, протекающей неподалёку. Там, у самого берега, между старой корявой ивой и камышами, из остатков арматуры, больших и маленьких веток, старательно сооружён «штабик»: нечто среднее между землянкой и конурой. В «штабике», укрывшись от посторонних глаз, спокойно могут уместиться два небольших человека в сидячем положении. Запыхавшись, пионеры вползают в укрытие. «Галстук снимай, провоняется!» – командует Пашка, снимая с себя пионерский галстук, комкая, и пряча его в карман. Из другого кармана он достаёт чуть примятую мягкую

пачку сигарет «Новость», вытряхивая из неё несколько недокуренных и одну целую сигарету с фильтром.

«С фильтром, понял? С белым! В деревне, у пивной бочки нашёл! Там ваще иногда по полпачки целых выбрасывают! А у тебя чо?» – Пашка кивает на карман Захара. Тот достаёт несколько окурков, среди которых, в основном, «Прима» и один с фильтром. Пашка возмущён: «Ты чо, дурак? Без фильтра ваще не бери! От них рак губы будет!»

Пашка старше Захара на год, соответственно лучше «знает жизнь», и уже поэтому все его мнения считаются безоговорочно авторитетными. «Смотри, чем заедать будем!» – Пашка снова лезет в бездонный карман и достаёт обрывок газеты, в который завернуты два ломаных куска хлеба с тмином и сушёные семена укропа, – «Понял? После этого изо рта ваще не пахнет! Потом конфетку – и всё! И руки немного мякушкой потри, Медуза ещё и руки нюхает!»

Старшая вожатая, по кличке Медуза, получала от кого-то из девочек сведения о том, что в отрядах курят. Это строжайше не соответствовало уставным и моральным нормам советского пионера, поэтому она решительно взялась за выявление «преступников», обнюхивая каждый день один из отрядов перед завтраком, обедом и ужином... Захар пробует затягиваться дымом, как учил его опытный Пашка. Дым едкий и противный, лёгкие будто набивают поролоном, и дышится тяжело. К тому же после этого подташнивает и постоянно тянет плевать. Захар понимает, что это занятие не для него, но ведь нельзя показать, что ты «слабак», «слюнтяй» и «не мужчина»! Он ведь уже не «первоклашка» какой-нибудь! Окончен третий класс, ещё годик – и у него за плечами начальное образование! А это значит: «прощай детство» и «да здравствует взрослая жизнь!» И Захар терпит...

Один из мужчин в переливающейся одежде встал из-за стола и пошёл в дальний угол комнаты. Захар проводил его взглядом: «Господи, да это же и есть тот самый Пашка! Его хулиган-приятель из детства! Только здесь он вон какой солидный и „правильный“! Приятно полюбоваться!» «Повзрослевший Пашка» дошёл до стены комнаты, находящейся за экраном, и внезапно исчез, будто растворился. Захар уже начал осваиваться в необычной комнате. Он понял, что здесь практически все «свои». Настроены все доброжелательно и, несмотря на то, что вокруг может происходить всё, что угодно, никто этому не удивляется. Каким-то необъяснимым органом, или частью тела, он почувствовал, что в этом помещении происходит некая важная, ответственная работа, которая касается непосредственно его личной жизни. Однако научиться не удивляться Захар пока не мог. Лицо ещё одного сидящего за столом человека показалось ему очень знакомым. Пока он силился вспомнить обстоятельства этого знакомства, на экране замелькали новые кадры.

К окончанию девятого класса Захар играет в школьном вокально-инструментальном ансамбле. Дело в том, что отец всю жизнь мечтал, чтоб его сын играл на баяне. Ну, или, в крайнем случае, на аккордеоне. Во втором классе он привёл-таки Захара в «музыкалку», не обращая внимания на его робкие «папнуянехочу». Строгая, неулыбающаяся преподаватель музыкальной школы с объёмным телом, немного свистящим придыханием, и характерным для советского музыкального искусства именем Сарра Ефимовна, внимательно проверила у Захара слух. После бодрого заявления отца: «Хотим вот на баяне научиться!» – она с присвистом вздохнула и констатировала: «У нас нет класса баяна. Мы можем предложить либо скрипку, либо домру, либо фортепиано». Выбор отца пал на последнее:

«Ничо, сынок, не расстраивайся. Выучишься на пианине, будешь, как Штраус, вальсы нам с мамой... а там, если захочешь, переучишься на что угодно, уже ж легко будет!» Путь к «легко» составил семь лет... Мальчиков в «музыкалку» ходило немного, и отношение к ним было несколько снисходительнее, чем к девочкам. С горем пополам, Захар к девятому классу окончил музыкальную школу. В свидетельство ему выставили пятёрки по всем предметам...

В школьном ансамбле он играет с 8-го класса. В ансамбле четверо ребят, примерно одного возраста. Захар «клавишник». Он играет на первом писклявом советском синтеза-

торе, который называется «ионика». Или, по-народному: «ёника». Участие в школьном ансамбле считается престижным и является предметом зависти большинства подростков. После дискотек в спортивном зале стайки девчонок-старшеклассниц всегда щебечут где-нибудь около музыкантов, бросая на них восхищённые взгляды, пока ребята собирают аппаратуру. Захар постепенно погружается в «звёздную болезнь». Он снисходительно улыбается школьным красавицам и сквозь зубы разговаривает с приятелями-одноклассниками. Ощущение славы школьного масштаба «заводит» его. Он начинает огрызаться с учителями, родителями, и забывает об успеваемости, всё чаще пропадая на репетициях. На экране проявляются кадры одной из новогодних школьных дискотек. Захар прекрасно помнит тот вечер: у него на инструменте начала западать «ля» первой октавы, но он достойно отыграл программу. Вот он после концерта в плотной толпе школьников пробирается к выходу. Чуть впереди девочки из параллельного класса что-то оживлённо обсуждают на ходу. Он приближается к Верочке, обладательнице королевской красоты длинных волос золотистого цвета, и обнимает её за талию. Он шепчет ей на ушко какую-то бессвязную ерунду. Впрочем, это для него совершенно не важно. Гораздо важнее то, что ощущает его рука, как бы невзначай спускающаяся со спины девушки чуть ниже. Вера с улыбкой оглядывается, чтобы посмотреть на реакцию идущих рядом подруг, но руку Захара не убирает: ей приятны эти смелые ухаживания школьного кумира, ведь среди всех он выбрал именно её! Сразу справа от выхода, под навесом, галдит большая и шумная компания десятиклассников. То и дело оглядываясь по сторонам, чтобы вовремя заметить приближающихся учителей, ребята по очереди делают несколько больших глотков из бутылки, явно не похожей на лимонадную. Захар с девушкой проходят мимо них к дороге. Верочка наспех прощается и собирается уйти. Захар удерживает её за руку и рывком пытается поцеловать в губы. Девушка мягко отталкивает его и, хохоча, спешит догнать уходящих подруг. Всё ещё глядя ей вслед с улыбкой, Захар начинает движение через дорогу, и вдруг резкий удар хромированной дугой вылетевшего из-за поворота мотоцикла сбивает его с ног. Захар наотмашь ударяется головой о бордюр и неподвижно лежит у обочины. Мотоциклист бросает мотоцикл на дороге и склоняется над ним. Слышится женский визг, кто-то из толпы кричит, чтоб вызвали «скорую», кто-то требует срочно директора школы...

Внимательно следя за происходящим на экране, Захар судорожно сглотнул, почувствовал какой-то неприятный холодок внутри, и вслед за ним – подступающую к горлу тошноту. «Стоп! Что за чёрт?» – мелькнуло в голове, – «Они что тут, хотят меня убить?! Что вообще происходит?» Захару захотелось крикнуть сидящим в комнате людям, что он жив и что ничего подобного, что показали после прощания с Веркой, в его жизни никогда не происходило! Он даже сделал шаг вперёд и поднял одну руку, но тут мимо него неспешно прошёл незнакомец с удивительно спокойным приятным лицом. Захара поразили совершенно белые ресницы, странно подчёркивающие глаза этого человека. Его одежды хоть и переливались тем же удивительным светом, но были немного темнее, чем у остальных. И ещё Захар отметил, что окружающие относятся к нему с большим почтением. Он мысленно назвал этого человека «наставником». Наставник тем временем подошёл к мужчине, которого Захар так и не смог вспомнить. Они стали что-то оживлённо обсуждать, и было видно, что мужчина прислушивается в разговоре к мнению Наставника. Спустя какое-то время, Наставник сделал приглашающий жест рукой, и все присутствующие, включая Захара, вновь перевели внимание на мерцающий экран.

...Кадры странного фильма будто бы кто-то невидимой рукой отмотал назад. Захар вновь рядом с Верочкой в толпе одношкольников. Он поглаживает её рукой по ягодице, гордясь собственной смелостью. Они у выхода. Справа всё та же компания подвыпивших десятиклассников. Захар, протискиваясь, случайно задевает одного из них плечом. Тот разворачивается с выражением лица растревоженного зимой медведя. Он выше Захара на полголовы. «Слышь, желудок, ты чо, совсем оборзел?!» – неожиданный резкий удар в челюсть заставляет Захара закрыть лицо руками и присесть на корточки. Верзила добавляет ему удар ногой в бок, после

чего компания десятиклассников быстро рассасывается, чтоб не дожидаться разборок с учителями...

А вот этот неприятный эпизод Захар помнил: челюсть до сих пор щёлкает в суставе при жевании. Вспомнил он и откуда ему показалось знакомым лицо сидящего за столом мужчины, который обсуждал с «наставником» эпизод показанного фильма. Это ведь и есть тот самый верзила-десятиклассник, он же чуть ранее игравший роль «мотоциклиста»! Пронаблюдав, как бывший «верзила», уже немного поседевший и спокойный, ушёл в противоположный край комнаты и растворился в пространстве, как чуть раньше и другие участники «кинофильма», Захар задумался.

«Что же получается? Все люди, находящиеся в этой странной комнате, так или иначе, имеют отношение к моей жизни. Это мои родственники, друзья, знакомые, или те, с кем я когда-либо вступал в конфликты. Все они как будто пишут сценарий фильма с моим участием, и этот фильм тут же появляется на экране. Руководят этим процессом некие незнакомые мне „наставники“. Как странно... Но откуда они все знают друг друга? Ведь всё, что показывают, происходило со мной в разные периоды жизни, в совершенно разных местах, а значит, эти люди никак не могли друг о друге узнать... Действительно странно, но интересно! Однако, почему они не советуются со мной? Стоп... Но ведь если они сейчас и дальше будут показывать всё, что произошло в моей жизни, то...» Захар, в поисках кого-то, начал взволнованно шарить глазами по комнате. «Так и есть!» – подумал он, увидев где-то посередине за столом свою супругу Лизу. Но то, что он увидел в следующую секунду, заставило его ноги сделаться ватными, а волосы на голове шевельнуться: рядом с Лизой, мило улыбаясь и перешёптываясь, сидели две его любовницы, которых он так тщательно скрывает от жены! И между собой они, естественно, тоже никак не могут быть знакомы! Захар просто сжался от ужасного ощущения, что то, что он столько лет тщательно скрывает, сейчас вдруг может быть так же легко «обнародовано», как пять минут назад были всенародно показаны его школьные слава и бесславие. Вспотев от страха, он быстро перевёл взгляд на экран, где уже сменяли друг друга кадры его свадьбы с Лизой. Захар направился было к экрану, чтобы встать перед ним, заявить о себе, и прервать всю эту непонятную и уже неприятную для него публичную демонстрацию самых сокровенных и интимных моментов его личной жизни! Но внезапно он ощутил мягкое прикосновение к левому плечу, от которого почему-то вздрогнул, как от удара чем-нибудь тяжёлым. Резко обернувшись, Захар увидел совсем рядом того самого человека с удивительными светлыми ресницами, которого он для себя назвал «наставником». Человек в необычных одеждах очень радушно улыбался, и от него исходил такой успокаивающий золотистый свет, что Захар моментально обмяк и, как ему показалось, был готов пойти за этим человеком хоть на край света! Наставник не открывал рта, но при этом Захар совершенно чётко услышал его негромкий бархатистый голос: «Не надо сюда, Захар! Пойдём отсюда». Он взял Захара под локоть и повёл к массивной входной двери. Выйдя за дверь на лестничную площадку, человек, по-прежнему не открывая рта, произнёс: «Я всегда рядом. Если тебе понадобится помощь – заяви об этом». После этих слов человек растворился в пространстве. Исчезла и дверь, через которую они только что вышли, или, точнее, выплыли. Захар развернулся лицом к лестнице. Ему вновь захотелось испытать то ощущение полёта, которое он испытывал, когда поднимался к загадочной комнате. Оттолкнувшись от верхней ступеньки, Захар поплыл-полетел вниз через весь лестничный пролёт. Вдруг, в тот самый миг, когда нога его должна была приземлиться на площадке перед следующим пролётом, он внезапно понял, что никакой площадки больше нет, а он продолжает лететь куда-то в бездонное пространство в свободном полёте. В голове мелькнуло сравнение: «похоже на то, как будто я спрыгнул с самолёта без парашюта». Захар явственно испытывал состояние невесомости, и это захватывающее чувство вытесняло любые страхи перед неизвестностью и необъяснимостью происходящего. Страх возник секундой позже, когда внизу появились очертания земли, и он понял, с какой скоростью

приближается к этим очертаниям. Он заорал, что было мочи. Вернее, у него возникло бессознательное желание это сделать, но Захар сразу же понял, что звука нет, а есть только открытый рот и напряженные мышцы глотки. Ещё через секунду он резко вздёрнулся всем телом, рефлекторно пытаясь защититься от неизбежного удара о молниеносно приближающуюся землю, и...

Глава 2

...Сползающее одеяло, наконец, окончательно упало на пол. Захар очень резко вздёрнулся, сильно ударившись коленом о боковую спинку дивана, и проснулся от жгучей боли в коленном суставе. Выругавшись, он начал интенсивно тереть пострадавшее место левой рукой и попытался повернуться на бок. Тут его ждал новый сюрприз: он вдруг понял, что у него... нет правой руки! Он, в самом деле, попытался ею пошевелить, но не чувствовал никаких движений! Ужас холодком пробежал по спине и расположился где-то «под ложечкой».левой рукой Захар судорожно щупал то место, где, по нормальным меркам, должна располагаться правая. Руки действительно не было! Он быстрыми шлепками дошёл до правого плеча и вдруг нащупал привычную твердость мышц и сустава. Ничего не понимая, слегка потянул за плечо. Правая рука, совершенно лишённая чувствительности, будто после хорошей анестезии, безжизненно шлёпнулась на диван рядом с туловищем. Захар выругался ещё громче, и, забыв о колене, начал растирать затёкшую от неудобной позы руку. Тотчас тысячи иголок будто бы вонзились в «оживающую» плоть, доставляя хозяину мучительные ощущения. Захар, с гримасой страдания на лице, замычал. Встал он с огромным трудом. Ощущения в теле были такие, будто Захар всю ночь разгружал вагон с кирпичами, а потом его ещё долго били палками за то, что кирпич оказался краденым. Испытывая непреодолимую слабость, тошноту и дрожь во всех органах, Захар доплёлся до ванной, выдавил на палец немного зубной пасты из смятого тюбика, втёр в дёсны и прополоскал рот. Отплевавшись, и облив голову и шею холодной водой прямо под краном, он вернулся в комнату, потряс за плечо всё ещё спящего товарища, и громко спросил: «Миха, я домой. Дверь будешь закрывать?» Михаил, едва приоткрыв отёкшие непонимающие глаза, что-то буркнул в ответ и, повернувшись на другой бок, снова уснул.

Захар, выйдя из подъезда, с удовольствием втянул в лёгкие прохладный городской воздух. Он медленно поплёлся по двору через пустые песочницы, мимо разноцветных качелей и скамеечек, к ближайшей улице. На душе, как и в теле, было мерзко. Захар уже примерно представлял себе дальнейший сценарий сегодняшнего дня. Сейчас предстоит объяснения с женой. Причём, несмотря на желание Захара всегда казаться уверенным и убедительным, оправдания его оказываются, как правило, какими-то нелепыми и малоубедительными. «Наверно, потому что я сам в них не верю», – размышлял Захар. Потом и жена, и дочь Даша будут ходить с «надутыми» лицами и не станут разговаривать с ним. Лиза подкрасится и уйдёт куда-то без объяснений. Дарья тоже вскоре соберётся, крикнет от двери: «Пап, я погулять», – и исчезнет. После этого Захар сварит себепельменей с бульонным кубиком куриного вкуса; натрёт чесноком хороший ломоть чёрного хлеба; разбавит немного спирта, запасы которого он периодически пополняет, принося домой с работы небольшую лабораторную мензурку с надписью «огнеопасно», – и сядет обедать, оставшись наедине со своими мыслями. После обеда он пропотеет, и ему станет немного легче. Потом он уляжется отсыпаться до вечера. Потом, почти не общаясь ни с кем из домашних, уставится в телевизор, или в компьютер, если Даша его не опередит. Ну, а утром – снова на уже порядком опостылевшую однообразную работу, чтобы продолжить замкнутый круг жизни, в котором Захар пребывает не первый десяток лет...

На душе стало ещё тоскливее. Улицы были немногочисленны, несмотря на то, что электронные часы в телефоне Захара показывали десять утра. Ноги отказывались слушаться хозяина, и Захару захотелось посидеть. Он решил опохмелиться в находящейся неподалёку «Закусочной», куда заглядывал иногда по пути с работы. Потолок и стены закуской с бумажной вывеской «У нас не курят», были примерно одинакового желтоватого цвета от едкого табач-

ного дыма, царящего в заведении почти постоянно, несмотря на запрет. Захар взял кружку пива и маленький пакетик солёных орешков. Почти все столики в «Закусочной» были заняты такими же, как он, «страдальцами», судя по «усталым» лицам посетителей. Захар выбрал столик у окна с одиноко сидящим мужчиной средних лет. Усевшись напротив, и сделав несколько крупных глотков холодного напитка, Захар глубоко вздохнул и, откинувшись на спинку стула, задумался. Он глядел на улицу через огромное окно, странным образом обрамлённое пластиковыми рамами ровно наполовину, тогда как вторая его половина контрастировала старыми рассохшимися деревянными рамами, выкрашенными в белую краску нелепо отличающегося от пластика оттенка. Захар видел снующие по улице автомобили, замечал редких прохожих, слышал царящий в «Закусочной» неравномерный гул, то и дело прерываемый смехом, кашлем и матерной руганью посетителей. Но в то же время, он будто бы был не здесь, а в некоем абстрактном мире своих мыслей, которые с повторяющейся настойчивостью преследовали его всё чаще и чаще в последние несколько лет.

«...Господи, да что же это за наваждение? Уж не становлюсь ли я алкоголиком, как вон те, за соседним столом: один сопли по щекам размазывает, а второй над ним хохочет беззубым ртом? А вроде, молодые ещё... люди без возраста и без судьбы... Чёрт, я ведь на прошлой неделе дал себе твёрдое слово больше не пить! А тут Мишка, как тот змей-provokator: „Пойдём, да пойдём, „по пивасику“ после работы...“ Хотя... Не Мишка тут виноват, а я сам. Ведь если бы не хотел – никуда б не пошёл с ним. А почему пошёл? Да потому что домой не хотелось возвращаться, в этот заведённый, давно осточертевший круг, где все играют какие-то придуманные самими для себя роли, делая вид, что всё благополучно, что у нас дружная семья... Какая, к чёрту, семья, если каждый давно в своём мирке живёт, просто вынужденно находясь на одной территории и говоря условные фразы для поддержания какого-то нескончаемого затянувшегося фарса... Да и мама ещё со своими советами... Что это вообще за замкнутый круг, в котором я живу? Впрочем, это и жизнью-то не назовёшь... Так, бег по очерченной кем-то местности, как у лошади на арене цирка...» Захар отхлебнул из кружки и вздохнул. В его голове вдруг сами собой стали складываться строчки:

«Если ты, как в цирке лошадь, бегаешь по кругу,

Ну, а жизнь, как дрессировщик, бьёт тебя по крупу...»

«Эх, записать бы! Вдруг новый стишок родится?» – подумал Захар. Он иногда, под настроение, «баловался» написанием стихов, но очень этого стеснялся, и потому никому не показывал, пряча блокнот со стихами под книги в нижнем ящике шкафа.

«А ведь мне уже скоро сорок! Возраст для мужика немалый. И чего я достиг? Младший научный сотрудник на должности инженера-технолога в лаборатории какого-то „задрипаного“ НИИ в русской глухомани! Зарплата такова, что не знаешь: то ли смеяться, то ли обижаться. Совмещаю ещё на „десяти“ работах, лишь бы только свести к следующей зарплате „концы с концами“. Вечно уставший, невыспавшийся и раздражённый. Неужели я именно такой жизни хотел, когда учился? Да я по молодости, честно говоря, вообще не задумывался! Окончил институт, начал работать. Даже вопросов не задавал, вроде, „как все“ работал – и всё. А если что и не нравилось – терпел. Вокруг все знакомые так и говорили: „Терпи“, – мол, – „другие вон вообще устроиться никуда не могут, а тут, вроде, ещё не самое плохое место, хоть какая-то перспектива“. Ну и какая, к чёрту, „перспектива“? Помоложе был, начальник ещё предлагал: „Давай, Захар, ты парень ответственный, трудолюбивый. Готовь материал, защитишь „кандидатскую“. А там, глядишь, мы для тебя у директора должностёнку выхлопочем, будешь зав. отделом. А, может, и „ветку“ возьмёшь в одной из научных разработок, будешь в заграничье мотаться!“ Какой там! Только попытайся дома в выходные обложиться литературой, да позаниматься – начинается женский „нудёж“: „Вот чего ты в выходные время теряешь? Пошел бы с ребёнком погулял!“ Или: „Опять сидишь, а время идёт! Лоджию когда обещал

застеклить? До сих пор пальцем не пошевелил!“ Какая тут, к дьяволу, „кандидатская“! А теперь уж и не предлагает никто, и желания никакого нет ни к учёбе, ни к работе этой треклятой»...

Захар ещё немного отхлебнул из кружки и как-то быстро, даже немного нервно, доел все орешки из упаковки. Ему не становилось легче ни физически, ни морально. Он бегло обвёл взглядом помещение, в котором сидел, будто бы ища какой-то поддержки и, не найдя её, вновь отвернулся к окну и погрузился в мир так беспокоящих его мыслей.

«А возьми личную жизнь? Когда женился – мне было уже 26! Помню, мать после похорон отца стала совсем суетной, постоянно на ухо гудела: „Остепенись, чего ты их всё меняешь одну за другой? „Поперёк“ ищешь? Не найдёшь! Выбери нормальную женщину, да женись! Мне уж помирать скоро, а внуками и не пахнет. Мужик ты, или не мужик? Вон, Лизка, смотри как ухаживает за тобой: и постирает придёт, и борщ сварит, ну чем не жена? Чего тебе ещё надо?“ Да ничего мне и не надо было! Ну, не чувствовал я потребности жениться! Нет ведь, дурак, послушал мать, предложил Лизавете подать заявление! Сразу после свадьбы ещё хоть какое-то чувство было, вроде. Любовью не назовёшь, так, ближе к жалости: она – то искренна, вот и неудобно обижать... На море пару раз вместе съездили... А с годами всё хуже и хуже... Дашкой когда забеременела, я ведь чувствовал, что никакой семьи у нас уже не будет, предлагал ей аборт сделать. Она – ни в какую: „Как хочешь, а я рожать буду!“ Ребёнка она и вправду хотела. Да ещё, наверное, чувствовала своей женской „чуйкой“, что отдаляюсь я от неё, удержать ребёнком хотела... Ну, на какое-то время получилось... А что сейчас? Домой меня не тянет, даже общих тем с Лизой не стало, вроде и поговорить не о чем. Пока не видимся – ещё ровно всё. А как вместе больше двух часов – обязательно „погавкаемся“! Про „супружеское ложе“ вообще молчу! Иногда рядом ложимся, она начинает гладить, а у меня – чуть не до отвращения доходит! Ну, разве это нормально? Поэтому и любовницы появляются одна за другой: я ведь будто „замену“ ищу, а она „фальшивая“, замена эта! Тянет сменить на „настоящее“, меняешь – а „настоящего“ опять нет... Дашку люблю, хочется с ней по- больше времени проводить, да не получается всё: то я на работе, или „в загуле“, то она в школе, или с подружками. Да и мала ещё, под мамину „дудку“ часто поёт, не пооткровенничаешь с ней... Вот и существуем каждый в своём „мирке“: в одной квартире, вроде, а общаемся – как будто на разных планетах живем... А вокруг все поют: „Ребята, вы такая дружная семья!“ Тьфу! Противно. Сил моих нет больше так, Господи!» Захару стало вдруг жалко себя почти до слёз. Слёзы даже навернулись ему на глаза. Он смутился, огляделся: не заметил ли кто его «слабости»? И чтобы скрыть за кружкой проявляющиеся на лице «немужские» чувства, быстрыми глотками допил пиво. После чего встал и уверенно пошёл к стойке за «добавкой». Возвращаясь за свой столик, Захар заметил, что пиво в кружке его соседа остаётся практически нетронутым, хотя прошло уже достаточно большое количество времени. Для подобных заведений было огромной редкостью, чтобы кто-то смаковал купленные напитки, наслаждаясь их вкусом. Усаживаясь на стул, Захар удивлённо посмотрел на лицо сидящего напротив мужчины. Он отметил, что и лицо у мужчины как-то не подходит для такого заведения, как «Закусочная»: слишком оно благородно, что ли. И как будто Захар его где-то уже встречал... Впрочем, настроение у Захара было далеко не романтичным, к новым знакомствам и беседам никак не располагающим, и он, глотнув пива, вновь погрузился в невидимый мир своих размышлений.

«Вот никогда я себя не считал замкнутым человеком. Вроде, общительный, доброжелательный. Ну, бывает, вспыхиваю иногда, даже кулаком по столу могу... но это, вроде как, мужику так „положено“... А ведь друзей-то и нет у меня. Все, с кем общаюсь – так, коллеги, да знакомые: на шашлыки съездить, ну ещё в Новый Год и в День Рождения позвонить, поболтать... А вот когда на душе по- гано – и поделиться-то не с кем... Витёк, с которым у нас на работе столы рядом стояли; жили, что называется, локоть к локтю... клялся в верной дружбе, говорил, что для друзей не бывает времени и пространства: „звони“, мол, „хоть самой тёмной ночью!“ А как должность получил в соседнем отделе – так куда та дружба дева-

лась? Не то что „ночью звони“, а здороваешься-то так, будто стесняется, что со мной знаком. С Мишкой, правда, пооткровенничаем иногда друг другу „в жилетку“... так это тоже, скорее не дружба, а так, „пьяные мужские сопли“... Да что далеко ходить, с братьями и сёстрами который год никак собраться не можем, чтоб пообщаться, чего уж про друзей говорить! Вот и получается: жил ты Захарушка, жил, как тебя родители, да школы всякие научили: никому, вроде, зла не делал, законы не нарушал, старался не „выпячиваться“, „как все“ жить... А теперь вот спрашивается: зачем? Ради чего? Чего достиг-то ты? Чему сам, да дети-внуки твои в этой жизни порадоваться смогут? Ни человека любимого рядом, ни друзей, ни занятия по душе... и смысл так жить, „по привычке“? Не по сердцу это всё, ведь чувствую, будто не своей жизнью живу! А чем так жить – лучше вон в петлю башкой, или спиться к чёртовой матери, лишь бы не продлять каждый день жизнь эту чужеродную... Господи, ты ведь там, говорят, всех нас любишь. Почему ж именно на меня любви-то твоей не хватило? За какие грехи ты мне это всё подарил?!»

Захар отпил из кружки и глубоко вздохнул. Честно говоря, ему хотелось громко завывать.

«Что, Захар, маешься? Плохо тебе?»

Захар даже вздрогнул от неожиданности. Ему показалось, что, несмотря на его молчаливую сосредоточенность, кто-то прокрался в мир его грёз и подслушал самые сокровенные мысли! Звук собственного имени, произнесённый чьим-то негромким, даже мягким голосом, мгновенно вернул его «на Землю». Произошло это так стремительно, что Захар даже немного растерялся: «Да сейчас уже, вроде, полегче немного...»

Он действительно немного захмелел, и только сейчас понял, что сидевший напротив мужчина с нетронутой кружкой пива давно уже внимательно его рассматривает.

«А ты откуда меня знаешь?» – Захар постепенно стал осознавать всё происходящее.

«Да ты, вроде, тут не впервой, тебя многие знают», – мужчина улыбнулся.

«А-а, ну да», – согласился Захар, – «а тебя я здесь раньше не видел, хотя лицо твоё мне знакомо. Ты у нас в НИИ работаешь? Тебя как зовут-то?» «Да я неподалёку от тебя работаю, вижу тебя постоянно. А звать меня...», – незнакомец на секунду задумался, – «зови меня Мефодий, так вернее всего будет».

«Каак?!» – Захар почти поперхнулся от смеха, – «ты что, серьёзно? Мефодий?» Он не мог сдержать улыбку: «Неужели кого-то ещё так называют? Слушай, а как же тебя в детстве родители звали? «Фодик», что ли?» – Захар развеселился, – «можно, я тебя буду звать «Фодя»?»

«Зови, если тебе так удобно», – собеседник, улыбаясь, снисходительно смотрел на Захара, как любящий отец на расшалившееся дитя. Захар допил из своей кружки, и его речь постепенно приобретала пьяную развязность. Кружка его нового знакомца так и оставалась нетронутой.

«Слушай, Фодя, а почему это ты у нас ничего не пьёшь? Пиво, небось, уже совсем остыло?» – Захар хохотнул, – «а может, водочки давай возьмём по пятнадцать капель „за знакомство“? Я угощаю!»

Собеседник сделал останавливающий жест рукой:

«Спасибо, Захар, мне ничего этого не нужно. Я и пиво-то взял так, для виду, чтоб не очень здесь выделяться».

«Простите, так какого ж... рожна Вы сюда припёрлись, господин Мефодий? Трезвенник в пивной – что во рту зуб гнилой: вроде свой, а мешает. О, рифма пошла!» – довольный своим экспромтом, Захар поднял вверх указательный палец. Мужчина же, напротив, стал абсолютно серьёзен.

«А пришёл я сюда, Захар, потому что с некоторых пор ты пошёл по ложному пути. И заходишь на этом пути довольно далеко. И теперь душа твоя страдает и просит помощи. Я знаю это, как никто другой. Пока что у тебя есть все шансы изменить свою жизнь, свою судьбу. Если сейчас ты услышишь меня и прислушаешься к моим словам – я подскажу тебе, как начать

это делать. Дальше ты пойдёшь самостоятельно по предназначенному тебе пути, и у тебя всё получится так, как ты захочешь. Задумайся, Захар! Прислушайся к тому, к чему взывает твоя душа. И как только будешь готов к переменам – дай мне знать». Мефодий произнёс эти слова мягким, но уверенным голосом, глядя в глаза Захару. Вид его при этом был абсолютно спокойным. Это не было похоже ни на бред сумасшедшего, ни на воровскую вкрадчивость афериста. Напротив, от этого человека исходила какая-то непонятная Захару тёплая энергия, располагающая собеседника с первых слов и заставляющая верить в истинность всего им сказанного. Однако, подвыпивший Захар не нашёл в голове слов, способных выразить подобные ощущения, и потому отреагировал самым привычным способом: так, как он всегда отвечал на чьи-либо попытки «внедриться» в его личное пространство.

«Да пошёл ты знаешь куда?! Психолог хренов! Кто ты такой, чтоб мне указывать, как жить?! У меня таких „советчиков“ знаешь, сколько было!» – Захар перешёл на крик и матерную ругань, привлекая всё большее внимание окружающих, и пытаясь показать при этом, насколько он к этому вниманию равнодушен. Мефодий выслушал всё это с абсолютной невозмутимостью, будто ничего другого он и не ожидал, затем прежним мягким голосом добавил:

«Кстати, завязывай с алкоголем, Захар, иначе тебе не избежать многих серьёзных неприятностей».

После этого он неспешно поднялся и, не обращая внимания на распалившегося ещё больше Захара, вышел из пивной.

Глава 3

После ухода Мефодия, Захар понял, что протрезвел.

«Вот козёл, только кайф испортил», – ворчал он про себя, хотя слова, сказанные неожиданным собеседником, крепко засели у него в голове. «Интересно, что он ещё про меня знает? И вообще, кто он такой? Ведь откуда-то мне его рожа знакома! Надо будет завтра на работе о нём поспрашивать, наверняка немного в институте народу работает с таким дурацким именем... и что он там плёл про „изменить жизнь? Судьбу?“ Может, и вправду психолог какой? Вон их сколько сейчас развелось! Тогда почему он именно ко мне привязался? Откуда ему знать, что я именно сюда зайду? И ведь ждал сидел терпеливо... „Подскажу, как это сделать... а дальше сам пойдёшь... и всё получится так, как ты захочешь...“ Бред какой-то! И ведь как уверенно говорит, будто он всю жизнь только и занимается изменением чужих судеб! Чёрт, что ж он меня завёл-то так? Успокоиться не могу!»

Захар огляделся вокруг. Пропитавшееся густым табачным дымом помещение пивной было уже до отказа заполнено недвусмысленного внешнего вида посетителями. Небритые, испещрённые морщинами лица с отёкшими глазками и, в большинстве своём, беззубыми ртами; измятые, грязные одежды и обувь; столь же грязная брань; неестественно громкий гогот, прерываемый надсадным кашлем, и постоянно клубящийся сизый дым вместо воздуха – всё это вдруг вызвало у Захара ассоциацию с адом на Земле, в который он добровольно спустился ещё при жизни, и копошащимися вокруг чертями. Ему впервые за несколько лет посещения этого заведения, стало противно в нём находиться. «...Завязывай с алкоголем... иначе не избежать неприятностей...» Как будто отвечая невидимому Мефодию на его слова, Захар, оправдывая себя, негромко произнёс вслух: «Ага, вон их сколько вокруг: пьют, как будто всю жизнь терпели – и вот дорвались! Только не скажешь что-то по их ржущим рокам, что они все очень озабочены неприятностями! Бред это всё! Видно уж, кому что по жизни назначено, то и случится. И никто это изменить не в силах. Сколько отпущено – столько и протянем...» С этими словами Захар протянул руку к оставленной Мефодием на столике кружке с пивом, и почти залпом осушил её до дна. Потом он с трудом поднялся, и, покачиваясь, с тяжёлым чувством вышел из «Закусочной».

...Замок квартирной двери упрямо не хотел открываться. Когда же, после нескольких попыток, Захару удалось щёлкнуть ключом в замочной скважине – дверь внезапно резко рас-

пахнулась, будто её толкал изнутри кто-то огромный. Сквозняк был такой силы, что дверь под мощным напором вырвалась из рук Захара и с неприятным хрустом ударилась о косяк, слегка надломив его у петель. Почти в этот же момент в спальне раздался вначале громкий удар, а затем послышался грохот разбитого стекла и шум падающих на пол твёрдых предметов. Первая мысль, пришедшая в голову окончательно трезвеющего Захара, была о том, что «предсказания начинают сбываться и у него начались неприятности». Выругавшись, он громко, но почти не надеясь на ответ, спросил:

«Вы спите, что ли?»

На шум никто не вышел, и Захару стало ясно, что жены и дочери дома нет. Пройдя в спальню, он увидел, что одна из оконных рам распахнута настежь, а стекло форточки разбито, и теперь ему придётся долго выбирать мелкие осколки из ворсин лежащего на полу ковра. Поднимая упавшие с тумбочки на пол сувенирные статуэтки, Захар заметил, что, вдобавок ко всему, одна из тяжёлых фигурок упала на лежавшее рядом зеркальце, используемое им при утреннем бритье, расколов его надвое. Закрыв окно, Захар обессиленно плюхнулся на край двуспальной кровати, которую они с Лизой приобрели три года назад на годовщину свадьбы. Откуда-то изнутри по всему телу распространялась неприятная мелкая дрожь, то ли от холода выстуженной комнаты, то ли от интоксикации после бурно проведённых выходных. Немного посидев, он встал, чтобы пойти в кухню и заварить себе крепкий чай. Проходя мимо тумбочки жены, он вдруг заметил лежащий на ней исписанный листок бумаги, вырванный из его ежедневника. Листок был придавлен сверху авторучкой. Захар взял в руки письмо и снова плюхнулся на кровать, теперь уже с противоположного края. Это было письмо жены ему, Захару. Почерк был неровный и местами прерывался. Было заметно, что Лиза сильно волновалась, когда писала это послание. Холодок не очень приятного предчувствия застрял у Захара где-то в груди. Он углубился в чтение. «... Захар, знаешь, мы с Дашей решили уйти от тебя. Мне надоело твои бесконечные выходки и пьянство. Ты по несколько дней не бываешь дома. Мы уже давно живём с тобой, как чужие люди. От этой жизни нет никакой радости никому. Ни нам, ни нашей дочери. Я тебя всегда любила, Захар, и сейчас ещё люблю. Но моему терпению пришёл конец. Я очень устала. Я так больше не могу. Хожу постоянно хмурая, уставшая, и то и дело плачу. Скажи, разве это нормальная семейная жизнь? Сохранять её только ради статуса „замужней женщины“ для окружающих я не вижу смысла. Думала, получится сказать всё это тебе лично, но чувствую, что разревусь и не смогу. Поэтому пишу. Хотя и сейчас реву. И ещё, Захар. Я знаю, что у тебя есть женщина, кроме меня. Возможно, даже не одна. Я это чувствую. И это тоже невыносимо. Эти бесконечные звонки с молчащей трубкой, когда я её поднимаю. Эти постоянные звуки „смс“, когда ты запираешься в туалете с телефоном. А однажды мне даже звонила с работы одна из твоих „доброжелательниц“, приглашала приехать и посмотреть, как мило ты проводишь время на одном из ваших многочисленных „корпоративов“. Я уже давно не чувствую себя женщиной рядом с тобой, Захар. Видимо, тебя устраивает такая жизнь. Прости, но меня – нет. Мы обсудили моё решение с дочерью. Она меня поддержала. Ты можешь с ней общаться, если она захочет тебя видеть. Звони ей сам. Я подаю документы на развод. Мы пока поживём у моей мамы. Надеюсь, когда мы вернёмся, у тебя хватит мужества переехать к своей. Я не хотела бы видеть тебя до суда. Прощай. Лиза

Захар на какое-то время будто бы погрузился в транс. Он довольно долго сидел, глядя на листок в том месте, где подписалась Лиза. Потом, почти не чувствуя тела, на «автопилоте» дошёл до кухни, и, заварив чай, уставился неподвижно в какую-то точку на стене. Он долго размышлял над происходящим. Чай так и остался нетронутым... Захара не то, чтобы посетила мысль о самоубийстве. Нет, просто, ложась в ту ночь впервые с незнакомым чувством одиночества в знакомую постель, он очень искренне подумал: «Вот бы завтра утром не проснуться...»

Глава 4

Однако утром Захар проснулся, как просыпался до этого бесщётное количество раз. Яркое утреннее солнце, пробиваясь сквозь тюлевые занавески спальни, бесцеремонно светило прямо ему в глаза. Немного ошалев от этого «звенящего» яркого света, Захар вначале зажмурился, а потом недоумённо сел в кровати, медленно обозревая всё вокруг. Он не сразу понял причину беспокоившего его недоумения. И только когда взгляд Захара упал на вчерашнее письмо Лизы, оставленное на тумбочке, ему стало ясно: мир ведёт себя несоответственно его представлениям! Ведь, учитывая всё, что происходит сейчас в его жизни, мир должен поблекнуть, окраситься серыми, или даже чёрными красками, замереть и перестать двигаться, всячески подтверждая ужас, безысходность и трагизм происходящего! Все вокруг, с печальными лицами, должны теперь сочувственно кивать, когда он будет рассказывать о невыносимой доле никому не нужного человека, сочувствовать ему и изумляться, как он вообще находит силы оставаться в живых и даже приходить на работу! А тут – полное несоответствие окружающего тому, что сейчас переживает Захар: это бешеное солнце, не оставляющее места печали; эти стаи ненормальных птиц, просто заливающихся, как нарочно, на ольхе за его окном. И даже на семейных фотографиях все улыбаются по-прежнему, как будто ничего страшного не произошло! Разозлившись на окружающее пространство, Захар вдруг понял, что и сам уже не чувствует трагизма происходящего в той мере, в которой, по его представлениям, «положено» его ощущать в данной ситуации. Он изумился этой новизне собственных переживаний, и, зайдя в ванную, даже внимательно посмотрел на себя в зеркало, как будто сомневаясь, он ли это вообще? Из стекла на него глядело небритое лицо некогда симпатичного, но теперь явно стареющего, очень усталого мужчины с отёкшими веками, морщинами на щеках и вокруг глаз, небрежно разбросанными по лбу волосами с предательски сверкающей проседью. «Ну и рожа!» – привычно произнёс Захар, обратив внимание ещё и на проявляющийся в последние пару лет животик. После «досмотра» тела, тут же напомнили о себе физические ощущения в нём. И, надо откровенно сказать, радости хозяину эти ощущения нисколько не добавили. «Налицо явные симптомы хронического отравления» – признался сам себе Захар, морщась от ноющей болезненности где-то справа под рёбрами, и периодически подступающей тошноты. Голова гудела при малейшем движении, тело дрожало, а сердце, казалось, собирается поскорее выскочить из грудной клетки и убежать прочь от неразумного хозяина. Впрочем, в последнее время подобные состояния уже начали становиться привычными для Захара. Глядя на свои руки по утрам, он вспоминал шутку, сказанную кем-то в студенческие годы после одной из бурных вечеринок: «единственное, что я сейчас смогу сделать по хозяйству – это посолить салат». Уже много раз Захар давал себе утреннее обещание «больше не пить», которого хватало лишь до вечера. На следующий день вместе с физическими мучениями приходило раскаяние, и какое-то время Захар обходился без спиртного. Но постоянное пребывание в одном и том же кругу нерешённых проблем и наступающей, как следствие этого, невыносимой «усталости от жизни», приводило к новым и новым срывам. Другого выхода из сложившейся ситуации, кроме как «расслабиться» привычным способом, Захар не видел. Да, честно признаться, уже и не искал. Несколько его попыток заняться собственным бизнесом не принесли ничего, кроме денежных долгов. Домашний ремонт и благоустройство дома требовали постоянных вложений, что приводило Захара в уныние. Проводить больше времени с любовницами он не мог, опасаясь дополнительных неприятностей с женой, и особенно – огласки и непременно следующего за ней общественного порицания с крушением положительной репутации среди коллег и знакомых. Дочь свою он любил, однако запаса отцовских чувств ему хватало ненадолго, их совместное времяпровождение становилось скучноватым, и Даша, интуитивно чувствуя это, не особо тянулась к папе. Когда-то Захар ещё увлекался спортом, регулярно посещая спортзал с бассейном, но постепенно и эти занятия стали всё чаще приносить не «мышечную радость», а дополнительную усталость, и его интерес к тренировкам стал угасать. Путь же от работы к дому через пивную был лёгким, быстро отвлекал от насущных проблем, да, к тому же, помо-

гал немного «облегчить» бремя бытия, разделив его в разговорах с «понимающими» и «уважающими» его людьми...

Была у Захара одна страсть, через которую душа его, помимо написания стихотворений, находила «отдушину» и проявлялась в осязаемом пространстве. Захар обожал... мастерить игрушки! Ещё в своём пионерском детстве, он вырезал перочинным ножичком всяческие сердечки, куколок, змеек из толстой сосновой коры. Затем тщательно покрывал их разноцветным лаком для ногтей, делал от-верстия, и, продев нитку с наборным бисером, дарил ровесникам симпатичные кулончики, получая удовольствие от проявлений их нескрываемой радости. Другам-мальчишкам он, по их просьбам, старательно выпиливал-выстругивал из обычных досок разного рода игрушечное оружие: мечи, кинжалы, пистолеты. Шлифуя их до блеска, выжигая на рукоятках неповторяющиеся узоры и надписи, покрывая раздобытым где-то столлярным лаком, он делал каждую игрушку уникальной. Не затрачивая особых на то усилий, Захар достиг небывалого мастерства в производстве всевозможных перстеньков из крохотных цветных проводов; поразительной красоты спичечных избушек и даже замков; праздничных игрушек и ёлочных украшений из раскрашенных в различные цвета медицинских «капельниц». Будучи уже взрослым мужчиной, мужем и отцом, он с увлечением освоил производство тряпичных кукол с вышивкой на одеждах. У маленькой Даши не было недостатка в игрушках, и почти все они были изготовлены папой. А самая любимая ею игрушка: большой забавный добродушный пёс, с повёрнутой немного набок игривой мордой, которого Захар сшил из куска плюша, набив его ватином, – до сих пор «возлежала» на Дашиной кровати.

Однако, так же, как и способности к стихосложению, Захар тщательно скрывал свой «игрушечный» дар от окружающих, настроив наказав всем своим близким делать то же самое. Будучи воспитанным в «среднестатистической» советской семье, он имел для себя чёткие установки, что должен делать «настоящий мужик», а чего не должен. Своё увлечение игрушками он считал занятием, явно недостойным звания «мужика», и крайне стеснялся, если не сказать «боялся» говорить об этом, а тем более проявлять свой талант для кого-либо, кроме домашних...

Помешивая сахар в поллитровой кружке с крепким чаем, Захар мыслями вернулся к жене. «Чёрт, вот вроде, всё к этому шло, а теперь, когда случилось – кажется, всё неожиданно так... И ведь Лизка опять сильнее меня оказалась: по сути, она сделала то, что собирался сделать я. Сколько раз я хотел начать с ней разговор об этом, да всё никак не решался. Боялся я этого разговора. Реакции её боялся, истерики. Ведь не шутка дело: практически своими руками разрушаешь то, что сам создал и столько лет поддерживал. Хотя и непонятно, ради чего. Родители-то всю жизнь внушали: „хочешь гулять – не женись, а уж коли женился – неси свой крест до конца дней. Любишь-не любишь, там стерпится!“ Вот и терпел зачем-то... Матери теперь как-то объяснять надо всё. Она явно не одобрит: нотации, как обычно, читать начнёт, как маленькому. Потом плакать. Муторно это всё...»

Захар отхлебнул чаю, и взгляд его упал на висевшую на холодильнике магнитную фото-рамку, в которой была вставлена их фотография с маленькой дочерью у «вечного огня» в День Победы. «...Вот и Дашкиной реакции боялся. Думал: как стресс переживёт? Ребёнок всё-таки. А потом ещё будет отца всю жизнь „предателем“ считать, скажет: „Бросил отец нас с мамой...“ А ещё боялся оказаться с „подмоченной репутацией“... Ведь всем этим „ехиднам“ надо объяснить: „Ну как же так, Захар Николаевич? Вы такой весь „положительный“, и семья у вас такая прекрасная, дружная, и вдруг – на тебе!“ Ох... Глаза б мои не видели всего этого! А Лизка вон взяла – и решила... Даже не ожидал, что всё так получится...»

Захар глубоко вздохнул, и глаза его отчего-то увлажнились. Вдруг он подскочил на месте, будто ошпаренный, вспомнив, что ему давно пора было выйти! До начала рабочего дня оставалось 15 минут, а пешком до института – не меньше 25-ти. Захару так не хотелось привлекать

к себе сейчас ничего внимания! Видимо, таким образом он подсознательно пытался отодвинуть на «потом» все неприятные объяснения с мамой, женой, дочерью и окружающими...

Глава 5

Здание института, где работал Захар, относилось к типовым промышленным постройкам 70-х годов советской эпохи. Находилось оно в некотором удалении от центра города, поэтому долгие годы никто особо не следил за его экстерьером. Соответственно, через несколько десятков лет здание приобрело достаточно убогий аварийный вид. Три года назад, когда юбилей города совпал с пред-выборной кампанией депутатов городской Думы – власти, наконец, обратили внимание на ветхие и аварийные здания. Был произведён характерный для российских государственных структур ремонт. Разваливающиеся от времени отделочные материалы и изъеденные грибок стены здания института вообще не стали трогать ввиду кропотливости и приличной финансовой затратности работ по их реставрации. Поступили проще. К той стороне здания, которая выходила на городскую улицу, по всей длине прикрепили алюминиевый профиль. К нему шурупами привернули лёгкие и симпатичные на внешний вид панели «еврофасад» китайского производства, отступив на несколько сантиметров от старой, продолжающей разваливаться стены. Ремонт был произведён в рекордно короткие сроки со значительной экономией бюджетных средств. Внешне всё стало выглядеть вполне современно. Будущие депутаты громко отчитались о «весомом вкладе в культурно-исторический облик города, внесённом исключительно из самозабвенных соображений бескорыстия и человеколюбия». Несомненно, из тех же соображений, но уже без громкого информационного шума, через несколько месяцев после ремонта городских зданий, на южной окраине города, в живописных местах, называемых традиционно «долиной нищих», стали, как грибы, появляться «скромные» двух-, трехэтажные особнячки с архитектурой воистину музейного достоинства. Институтские коллеги Захара, обсуждая в «перекурах» на работе это строительство, шутили: «Жаль ребят, ведь с хлеба на воду перебиваются, чтоб на итальянскую плитку сэкономить. Мужики, давайте в воскресенье выйдем, поработаем, да средства им перечислим вместе с „тринадцатой“ зарплатой? Всё полегче станет бедолагам, будет хоть на что грыжи трудовые лечить.» Захар обычно молча слушал эти шумные «соревнования в злословии», хотя внутри так же, как и большинство его коллег, завидовал и тихо ненавидел хозяев строящихся особнячков. Привычку курить Захар поддерживал не потому, что не мог обходиться без сигарет. Больше того, не смотря на уже приличный «стаж» курильщика, он так и не избавился от чувства некоего отвращения к ощущениям во рту и в лёгких после курения. Скорее, он делал это «за компанию», усвоив ещё со студенческих стройотрядовских времён «закон перекуров»: «Кто не курит – тот продолжает работать!» Внутри институтских помещений практически ничего не менялось с середины 70-х годов прошлого века. Когда состояние стен, потолков и пола становилось настолько критическим, что не только лабораторные, но даже «дикие» мыши начинали передвигаться по помещениям с осторожностью, чтобы не получить увечье – в институте производился «ненавязчивый» косметический ремонт, средства на который неизменно собирались, в основном, из зарплат сотрудников. Изначально НИИ был построен для нужд советской «оборонки», как большинство подобных учреждений того времени. Занимался он, в основном, изучением и разработкой новых двигателей к различным видам боевой техники, а также усовершенствованием горюче-смазочных материалов к ним. Однако, пережив глубокий кризис 90-х, конверсию и децентрализацию, институт потерял свою актуальность для государства, и, утратив больше половины опытных кадров, являвших собой воистину цвет научно-технической интеллигенции, с трудом выживал теперь на выполнении мелких заказов от частных фирм и всевозможных «ООО». Острословы, которыми всегда славились институты советской эпохи, называли их в шутку «ОББ»: «Общества с Безграничной Безответственностью». Захар, вместе со своими остроумными коллегами, молодыми учёными, придя в институт со студенческой скамьи, тоже не раз вносил свою лепту в «оформление интерьера» своего рабочего помещения. Храня в памяти

не признающий цензур и ограничений дух студенческих КВНов и капустников, они прикрепили неподалёку от окошечка кассы, где в те годы выдавалась зарплата, старый советский плакат с изображением в профиль «отцов» марксизма-ленинизма: Маркса, Энгельса и Ленина. Взгляды «мастодонтов» были направлены на считающих у кассы свои копейки сотрудников, а художественно выведенная чуть ниже подпись гласила: «Пролетарии всех стран, извините...» В лаборатории же, где находилось рабочее место Захара и ещё нескольких его коллег, в основном женщин, уже почти пятнадцать лет красовались подобные «агитационные пособия», прикреплённые когда-то на шкафы канцелярскими кнопками. «Оформителем», помимо Захара, был его тогдашний «закадычный» друг Виктор. Один из плакатов расположился рядом со стеллажом с легковоспламеняющимися жидкостями. На нём мужественный красноармеец с суровым лицом и огромной звездой на «будёновке» выбрасывал вперёд мускулистую руку с огромным указательным пальцем. Прежняя надпись под изображением: «А чем ты помог фронту?» – была заклеена белым листом бумаги. На бумаге, под стандартный канцелярский трафарет, было выведено: «Помни! Пьянство алкоголизма приводит к гибели человеческих жертв!» Второй плакат красовался на шкафу, где передевалась женская половина коллектива. Это был не просто плакат. Это был целый коллаж, фоном которому служила увеличенная фотография здания НИИ. В двери НИИ на фото понуро входили несколько мужчин. Рядом было наклеено вырезанное со старого плаката изображение женщины с серьёзно озабоченным лицом, решительно указывающей рукой на входящих. «Озабоченность» расшифровывалась подписью чуть ниже изображения:

«Чем сын с окладом МНС*,
Не лучше ль выбрать ВМС**?!»

Вообще, Захар слыл в своём отделе балагуром и ловеласом, но при этом добропорядочным и ответственным человеком. Ему частенько доверяли роль организатора внутриинститутских «посиделок» по поводу различных праздников, и он охотно на эту роль соглашался. «Корпоративы» Захар любил. Они были ещё одним поводом временно отвлечься от домашних и внутренних личных проблем. Это был «мир, где хорошо». Мир, в котором было всегда весело, не нужно было глубоко задумываться; в котором Захар, по его ощущениям, был востребован, понимаем и ценим...

* *Младший научный сотрудник*

** *Внутриматочная спираль (средство контрацепции)*

Привычно предъявляя старенький пропуск у «вертушки» на проходной института, Захар взглянул на висевшие напротив входа большие электронные часы с красным табло, которые поочерёдно показывали время, дату, и температуру воздуха в помещении. Он опоздал всего на пять минут, пройдя путь от дома до работы с нехарактерным для него проворством. В пути он здорово взмок, несмотря на довольно прохладную погоду, и тяжело дышал. Видимо, давали о себе знать симптомы трёхдневного добровольного отравления.

Однако, постоянные невесёлые мысли обо всём случившемся поглощали его и позволяли не замечать физического дискомфорта. Не расслышал Захар и улыбчивого приветствия вахтёра, пройдя мимо с мрачным лицом. Вахтёр удивился и даже немного обиделся, провожая Захара взглядом.

Стол рядом с рабочим местом Захара последние три—четыре года принадлежал Михаилу. Тот был переведён в отдел, где работал Захар, несмотря на сокращения штатов, откуда-то из тревожной Средней Азии на должность младшего научного сотрудника. Произошло это по договорённости некоего чиновного Мишкиного родственника напрямую с директором института, что, в своё время, вызвало свежую волну сплетен в «скучном болоте» годами сложившегося коллектива.

«Привет, ты чего опаздываешь?» – ответил Михаил на короткое «Здравствуйте» Захара, которое тот бросил, войдя.

«Да так, проспал», – угрюмо соврал Захар, совсем не желая начинать разговор.

«Взъерошенный какой-то... Никак не отойдёшь, что ли?» – Мишка понизил голос, чтобы их диалог не был слышен окружающим.

«Миха, от меня жена ушла...», – неожиданно для самого себя выпалил вдруг Захар, и сразу поймал себя на мысли, что впервые вслух озвучил произошедшее. Фраза прозвучала как-то странно, будто речь шла вовсе не о нём. Михаил оторвал голову от бумаг. «Да ты чооо?!» – протянул он и негромко присвистнул, – «во дела! Что произошло-то? С чего вдруг так резко?»

«Да нифига не резко...» – Захар вздохнул, – «долго рассказывать, короче...»

«А дочь с кем? И как ты теперь жить будешь? Квартиру разменивать будете?» – Михаил сыпал традиционными в подобных случаях вопросами.

«С дочкой вместе ушла, к теще. С квартирой не знаю пока... Наверное, им оставлю, сам к матери уйду, а там видно будет», – Захар отвечал быстро, обрывисто, будучи явно недоволен тем, что приходится объяснять посторонним то, чего он сам ещё толком не осознал. Да и женщины-коллеги со своих рабочих мест уже стали бросать подозрительные взгляды в их сторону.

«Да ладно, Миш, ты пока не распространяйся на эту тему, а то начнётся сейчас „чо“, да „как“...»

«Ну да, может, ещё и устроится всё. Вы ж, вроде, нормально жили... Ты это, Захар, если что, ко мне приходи, поживёшь пока. Я-то один. И мне, глядишь, веселее будет!»

«Ага, у тебя один твой горбатый диван чего стоит! Без боков останешься!» – Захар шутил, не улыбаясь, – «Давай работать, а там разберёмся...»

В перерыве Захар разыскал своего бывшего друга Виктора, по кличке «Мессия», который теперь возглавлял один из смежных отделов института. Кличку свою Виктор получил в институте ещё в молодые годы с лёгкой руки тогдашнего директора. Тот, читая заявление о приёме на работу молодого специалиста, был очень изумлён, и, громко смеясь, произнёс в присутствии работников администрации: «Нихрена себе, с кем работать приходится: с мессией!» Дело в том, что дед и бабушка Виктора были глубоко верующими людьми. И, по невероятной иронии их нелёгкой крестьянской судьбы, деда звали Осипом, а бабушку – Марией. Соответственно, своего новорождённого первенца, будущего отца Вити, они по взаимному согласию назвали Иисусом, испросив на то предварительное благословение деревенского священника. Священник, поразмыслив, благословил их, строго наказав при этом отчитать сорок раз молитву, раскаиваясь и прося прощения за то, что младенец был зачат самым традиционным, «порочным» способом. Никто не решался спросить Виктора, принесло ли святое имя счастье в жизни его отцу, Иисусу Осиповичу Шмыге, прожившему всю жизнь в «непостижимой умом» русской глубинке. Но друг Захара, Виктор Иисусович Шмыга, по кличке «Мессия», натерпелся за свои сорок лет немало всяких неудобств из-за доставшегося ему отчества. И будучи уже взрослым мужчиной, не решился сменить его лишь из-за уважения к своему покойному батюшке, да ещё из-за страха возможного возмездия со стороны истинного Сына Божия.

Захар с Виктором сели перекусить вдвоём за столиком в небольшой институтской столовой.

«Ты какой-то озабоченный в последнее время ходишь. Случилось чего?» – первым начал разговор Виктор.

«Да нет, так, не выпался», – соврал Захар, не поднимая глаз на собеседника и делая вид, что очень сосредоточен на всасывании висящего у него на губе длинного листка морской капусты из салата. Немного пожевав и подумав, он всё-таки решился спросить то, что его волновало.

«Слушай, Вить, а у тебя в отделе не работает, случайно, никто из мужиков по имени Мефодий?»

Виктор, вначале без тени улыбки на лице, поднял глаза кверху и, загибая пальцы на руке, будто вспоминая, стал перечислять:

«Таак, Аристарх есть... два Евлампия есть... Христофор... а вот Мефодия ни одного, блин!» – тут он уже открыто расхохотался.

«Захар, у тебя что, ремонт дома? Ты клея нанюхался? Какой Мефодий, ты о чём?!»

Захар на этот раз не разделил иронии друга. «Ну чего ты ржёшь? Ты ж там на планёрки всякие ходишь в администрацию, ну и так... может, слышал где? Надо человека одного найти...» Видя нехарактерную для него абсолютную серьёзность давнего товарища, Виктор, пережёвывая «фирменную» столовскую гороховую кашу, посмотрел в глаза Захару, и, нарочито громко вздохнув, ответил:

«Нет, ты вправду очень странный стал, Захар! Мы с тобой в институт вместе работать пришли. Ты, как и я, каждую собаку тут в лицо знаешь. Много ты у нас за эти годы „Мефодиев“ встречал?»

Захар уже пожалел, что затеял этот разговор. Он постарался поскорее «замять» его.

«Ладно, всё, проехали!»

Уже поняв, что результата он здесь никакого не получит, Захар «на автомате» добавил:

«Как сам, как детишки? Давно не общались».

У Виктора была всего одна дочь. И Захар это прекрасно знал. Поэтому Виктор, уже серьёз озабавившись непонятным ему процессом, происходящим с его товарищем, спросил:

«О-о, брат, да с тобой вправду что-то серьёзное происходит! Ты как себя чувствуешь? Может, тебе „больничный“ взять? Я чем-то могу помочь?»

Захар наспех допил компот из сушёного чернослива.

«Не, Вить, всё в порядке, не переживай. Спасибо за компанию. Идём жить дальше».

Взяв поднос с грязной посудой, Захар поднялся и пошёл к мойке, желая по пути «приятного аппетита» обедающим коллегам. «Мессия» недоумённо провожал его взглядом. Когда Захар, задумавшись, вместо выхода ткнулся в соседнюю дверь, которая была исторически закрыта и даже выкрашена в цвет стены, – Виктор укоризненно покачал головой и негромко произнёс, вздыхая: «М-да... жаль парня: похоже, совсем спивается...»

Глава 6

Положа руку на сердце, надо сказать, что с момента преобразования института в начале «двухтысячных» из госструктуры в акционерное общество закрытого типа, жизнь сотрудников стала меняться. И хотя, по сложившейся традиции, работники по-прежнему недовольно ворчали на руководство, на условия труда, на обилие документации и на зарплату, работой они перегружены не были. И, за исключением периодов подготовки квартальных, полугодовых и «авральных» годовых отчётов, практически все служебные дела заканчивались до обеда. В этой связи ящики столов младших научных сотрудников «Лаборатории горюче-смазочных материалов и искусственных присадок к топливу», были напичканы не только ворохами всяческих бумаг, преимущественно формата А4. Прикрытые сверху бумагами, ящики ниже изобиловали разного вида нардами, домино, дорожными шахматами, игральными картами, а также сборниками японских и скандинавских кроссвордов, макраме, вышиваниями, вязаниями, и прочими вспомогательными инструментами для убийства свободного времени. Начальство знало об этих «схронах» и о фактах «нарушений». Однако, понимая, что требовать дисциплины в условиях фактической деградации отрасли – всё равно, что стегать по крупу умирающую лошадь, требуя от неё бодрого галопа, – в основном, закрывало глаза на эти факты. Дело ограничивалось периодическими начальственными «рейдами», да многолетними угрозами установить над рабочими местами камеры слежения.

Доигрывая с Михаилом партию в нарды незадолго до окончания рабочего дня, Захар набрал по телефону дочь, чтобы договориться о встрече. Даша разговаривала с отцом сухо, но встретиться согласилась. Условились увидеться в шесть вечера в пиццерии в центре города.

Потом Захару, по уже многолетней традиции, надо было навестить мать. Он решил сказать ей всё немного позже: завтра-послезавтра. Захар понимал, что после разговора с дочерью, да ещё учитывая собственное самочувствие, выслушивать реакцию матери на уход Лизы у него не будет сегодня ни физических, ни моральных сил.

Выйдя из проходной вместе с Михаилом, Захар решительно отказался от предложения товарища «пойти поправить здоровье после выходных и снять стресс». Мишка, внимательно посмотрев на Захара, с абсолютно серьёзным лицом понимающе покивал головой, и они расстались. До встречи с Дашей оставалось ещё минут сорок, и Захар решил пройтись пешком. В голове его то и дело всплывал образ загадочно возникшего и внезапно исчезнувшего Мефодия, так уверенно «наступившего» ему на «болевые точки». Больше всего Захару хотелось поделиться, а может, и поспорить обо всём происходящем сейчас, именно с ним.

«Так, он сказал, что работает неподалёку от меня. Может, где-то рядом с институтом?» – размышлял Захар. Основную территорию через дорогу от НИИ занимал старый сквер с клумбами и покосившимися бордюрами вдоль них, до сих пор старательно выбеливавшимися к различным праздникам. Заведений рядом было немного, и Захар решил по пути зайти во все, в надежде получить хоть какую-то информацию о мужчине с редким именем. Первым на его пути оказался небольшой продуктовый магазинчик с укрепившимся уже в 21-м веке громким наименованием: «Мини-маркет». В торговом помещении было тесно из-за нагромождённых витрин и холодильников с напитками и водой. Одинокие покупатели подолгу, будто читая газетные статьи, наклонившись низко к витринам, рассматривали товары, видимо, сопоставляя их внешний вид с предлагаемыми ценниками. Продавщица, женщина лет тридцати пяти, с какими-то выцветшими безжизненными глазами, в синем рабочем халате с белым воротничком и накинутой сверху вязаной безрукавке серого цвета, с видом абсолютного безразличия скучала у кассы. Широко раскрывая рот и демонстрируя ряд стальных коронок с обеих сторон, она, нимало не стесняясь присутствующих, ковыряла в зубах обломанной спичкой, то и дело обнюхивала её, громко причмокивала, и, не закрывая рта, звонко икала. Почти не надеясь на то, что он вообще будет услышан, Захар всё же решился задать вопрос в это «лицо современной российской торговли».

«Девушка, простите, а у вас тут не работает мужчина по имени Мефодий?»

Явно недовольная жизнью вообще в принципе, и, в частности, тем, что её отвлекают от занятия, требующего «глубокой» сосредоточенности, «девушка» взглядом с ног до головы «просканировала» Захара. Видимо, не найдя в нём внешних признаков, достойных её уважительного обращения, она сморщила лицо в брезгливую гримасу и процедила:

«Чеево?! Сам-то понял, чо сказал? Проспись вначале, потом с людьми разговаривай!»

И, уже отвернувшись в сторону, недовольно добавила в пространство: «Нажрутса с утра, а потом ходят тут... людей от работы отвлекают!»

В углу за прилавком копался с коробками небольшого роста давно небритый кавказец, по всей видимости, владелец магазинчика. Услышав слова продавщицы, он оторвался от своего занятия, бросил беглый взгляд на Захара и, явно желая подчеркнуть, что на этой территории он не какой-то гость-арендатор, а «самый главный» хозяин, эмоционально произнёс с сильным акцентом: «Люда, цто ти с ними разговариваець?!»

И, уже, обращаясь к Захару, активно жестикулируя руками, прокричал: «Давай, иди давай! Нэт здес дружки твои, и „чикушка“ тоже нэт! Не хади здес давай!»

Захар в какой-то бессильной злобе развернулся и, смачно выругавшись, попытался по сильнее хлопнуть дверью, выходя. Хлопнуть, однако, не получилось: дверь оказалась с доводчиком. Идя по скверу, Захар пребывал в ярости. И, хотя он уже не расслышал угроз выскочившего на порог магазинчика горячего «сына гор», он долго ещё не мог успокоиться. Прикуривая дрожащими руками одну сигарету от другой, Захар уже даже не мог ответить самому себе, на что именно он так злится. Казалось, весь мир раздражает его, и он сам в этом

мире противен самому же себе. В голове гремело: «Я бесхарактерная тряпка: любая безграмотная торговка, или гастарбайтер могут мне нахамить и вытереть об меня ноги! Я слабак: так и не смог сказать жене, что хочу уйти от неё, а она – смогла! Я неудачник: не состоялся как учёный, не смог начать свой бизнес, лишнего гроша за душой не имею! Я плохой отец: дочь не ценит меня и не стремится ко мне! Я всю жизнь всего боюсь и поэтому вынужден постоянно всем врать!» – тут Захар, увидев чуть впереди на тропинке валявшуюся коробку из-под обуви, что было сил, остервенело пнул её ногой.

...Он даже не понял сразу, откуда произошла эта жгучая боль, вернувшая его моментально из мира раздражённых мыслей на Землю, в этот скверик напротив его работы, которым он ходит почти ежедневно, вот уже без малого пятнадцать лет. И только переводя дыхание с выпученными глазами, слыша сдавленный хохот разбегающихся из-за соседних кустов мальчишек, Захар понял, что он только что попался на такую банальную, применяемую им самим когда-то в детстве, злую шутку под названием «кирпич в пустой коробке». Тем не менее, физическая боль действительно отвлекла его от тёмных мыслей. Отдышавшись, Захар поднял голову к небу, пробормотал растерянно: «Поделом, наверное, Господи?» – и нервно рассмеялся...

Глава 7

Попытки Захара разыскать следы таинственно исчезнувшего Мефодия не увенчались успехом ни в ближайшей к институту аптеке, ни в расположенном рядом салоне связи, ни в одиноко стоящем киоске с надписью: «Срочное изготовление ключей». Никто из опрошенных даже не слышал о человеке с таким именем. Оставив бесплодные попытки «оперативно-розыскных» мероприятий, Захар, немного прихрамывая, зашагал в центр города на условленную встречу с дочерью. «Странный тип, однако, этот Фодя», – размышлял Захар по дороге, – «обращайся, говорит, а сам – ни телефона, ни адреса не оставил. А внешне, вроде, на болтуна не похож. Впрочем, в наше время никому верить нельзя. А так иногда хочется! Может, мне вообще вся эта встреча с ним только приснилась? Как и тот странный сон, с кинофильмом про мою жизнь? Но я ведь чётко помню фразы, которые он мне говорил про судьбу, несмотря на то, что я был прилично выпивши...»

Терзаемый сомнениями, Захар вошёл в прохладное помещение пиццерии, где пряно пахло выпечкой и разными кулинарными добавками. Основной контингент посетителей составляли студенты и родители с малолетними детьми. Он сел за столик у окна и посмотрел на часы. Убедившись, что пришёл вовремя, он первым делом заглянул в кошелёк, и, глубоко вздохнув, заказал подошедшему молоденькому официанту самую дешёвую пищу. Потом немного покрутил головой, присматриваясь, что из напитков предпочитает молодёжь. Студенты, в основном, «баловались» пивом. Дети пили «пепси» и какие-то светлые газированные напитки, названий которых Захар не знал. Пожав плечами, он заказал «пепси-колу» для дочери и чашку какого-то недорогого «фито» чая для себя. Даша появилась буквально через три минуты после прихода отца. У Захара даже мелькнула мысль, что она пришла ещё раньше и ходила где-то по противоположной стороне улицы, наблюдая за ним. Они поцеловались, и Даша уселась напротив, положив перед собой на столик смартфон с розового цвета корпусом и висящей на нём на тонкой цепочке маленькой фигуркой ёжика. Захар, улыбаясь, любовался дочерью. Дарья относилась к той самой категории подростков, которых называют «акселератами». Несмотря на то, что ей совсем недавно исполнилось тринадцать, ростом она почти догнала папу. Да и внешние признаки, которыми природа одарила прекрасный пол, уже не оставляли никаких сомнений в её к этому полу принадлежности. Даша действительно считалась одной из самых красивых девочек в классе. Она носила длинные волнистые волосы светлорусого цвета, которые иногда забирала назад в виде хвоста. Косы Дарья не любила. Захар угадывал в лице дочери отдельные мамины черты, но с возрастом эти черты приобретали у Даши некую утончённость: ту, что превращает подростка в девушку и придаёт лицу благородства. Занятия балльными танцами обеспечивали её фигуре идеальную осанку и завидное изящество.

Даша сидела с абсолютно серьёзным видом, показывая, что она не расположена к сентиментальностям и периодически отвечала на сообщения в телефоне. Принесли заказ. Дарья оглядела его и никак не отреагировала на еду.

«Пап, о чём ты хотел со мной поговорить? Хочешь спросить про маму?»

Захар немного замешкался. Он понял вдруг, что на самом деле не готовил специально вопросы для дочери. Ему, скорее, хотелось просто повидаться с нею. В сложившейся ситуации, Даша стала для Захара спасительной ниточкой, за которую он бессознательно хватался, чтобы не столь остро ощущать внезапно наступившее одиночество.

«Ну да, доча, и про маму тоже...»

«У неё всё в порядке. Она работает. Вечерком можешь ей позвонить, если захочешь. Как у тебя?»

Даша говорила с отцом достаточно сухо, и вопросы задавала без особого участия. Было заметно, что в конфликте между родителями она всё же разделяет сторону матери.

«Да так... тоже, вроде, нормально...», – Захар передёрнул плечами.

Конечно, ему хотелось рассказать Даше обо всех своих переживаниях. Хотелось, чтоб она погладила его, жалея, как бывало в дашином детстве, когда он заболел. И чтоб потом они хохотали вместе, как раньше, прижавшись друг к другу лбами, и наклоняя головы синхронно в разные стороны. Но «мужик» ведь не должен жаловаться, тем более ребёнку! Да и Лиза, естественно, всё узнает, чего ему очень не хотелось бы. Поэтому Захар попытался перевести разговор в иное русло: «Дашунь, ну а у тебя как дела, доча? Что там в школе? Чем у бабушки занимаешься? Как на танцах?»

Даша отложила в сторонку телефон, какое-то время помолчала, немного сжавшись, а потом, подняв голову и пристально глядя прямо в глаза Захару, решительно спросила:

«Папа, скажи пожалуйста, а тебе действительно интересно то, что ты спрашиваешь? Или это так, «для поддержания разговора»?» – Даша немного понизила голос, – «Ты ведь раньше почти не интересовался тем, как я учусь, как я решаю свои проблемы с учителями! Ты за все эти годы на родительских собраниях был раза два, и то в начальных классах! Пап, ты ведь не знаешь, с кем я дружу, и о чём я переживаю. Только мама звонит мне с работы, чтобы спросить, как я добралась из школы. Тут Даша кивнула на стол и продолжила: «Ты до сих пор не знаешь, что я терпеть не могу «пепси-колу» и пиццу с ветчиной! Пап, ты хоть помнишь, сколько мне лет и когда у меня День Рождения? Или тебе мама напоминает?»

Даша внезапно остановилась, крылья носа у неё задрожали. Захар знал: это с детства было основным признаком Дашиной обиды, и она вот-вот заплачет. Ему всегда становилось очень жалко её в такие моменты. Он взял её руку, подложив одну ладонь снизу, а второй поглаживая сверху: «Ну-ну, доча, ты успокойся... успокойся... хочешь, мороженое возьму тебе, а?»

Слёзы хлынули из глаз Даши. Захар совершенно растерялся. Никто в жизни не учил его тому, как надо вести себя «мужику», когда девушка плачет. Тем более, если эта девушка – твоя родная дочь.

Даша, несмотря на слёзы, старалась говорить твёрдым голосом: «Папа, да какое, нафиг, мороженое?! От тебя мама ушла! Ты хоть это понимаешь? У тебя семья рушится, а ты тут... конфетки... Ты хоть как-то попытался её удержать, или тебе уже всё равно?!» Захар молчал. Он чувствовал себя так, будто учительница в школе отчитала его за невыученный урок. Единственное, что он сумел вымолвить после некоторой паузы, было: «Даа, дочь... а ты ведь совсем взрослая у меня стала!»

Даша вытащила свою руку из ладоней Захара. Она встала, взяла со стола телефон, и, изредка всхлипывая, тихо произнесла: «Да, папа, я стала совсем взрослая. Только, к моему сожалению, произошло это без твоего участия».

Прикрывая одной рукой нос и рот, Даша выбежала из кафе на улицу...

Захар сидел, долго неподвижно глядя на чёрный кружок разрезанной маслины в кусочке пиццы, будто его оглушили чем-то тяжёлым. Он впервые в жизни совершенно по-честному признавался себе где-то глубоко внутри, что не знает, что делать, куда идти и как дальше жить. Ему даже не хотелось шевелиться. Странно, но даже эмоций не было никаких. Захару вдруг представилось, что в целом мире есть только он один, неподвижно сидящий за столиком в кафе. А вокруг – на тысячи, да что там, на миллионы километров – зияющая пустота... Откуда-то сверху, словно фото на рекламном баннере, появилось лицо Мефодия. Он беззвучно говорил что-то, и только по губам можно было прочесть: «...как будешь готов к переменам – дай мне знать!» Захар ухмыльнулся: «Ну что, экстрасенс? Вот он я! Готов, весь как есть! Давай, меняя мою судьбу! А где ты? Смылся? Нету тебя?! Бред всё! Дошёл Захар до точки. Вся жизнь – коту под хвост! И в результате не нужен никому...» Голова Мефодия откуда-то издалека вдруг спросила: «У вас всё в порядке? Я могу чем-то помочь?» После этого голова исчезла в пустоте, и Захар, вздрогнув, очнулся от того, что молоденький официант, похлопывая его по плечу, повторил вопрос: «Мужчина, у вас всё в порядке? Я могу чем-то помочь? Вам плохо? Может, „скорую“ вызвать?» Захар понял, что он, погружившись в свои мысли, начал разговаривать вслух. Улыбнувшись, он поспешил успокоить официанта: «Нет-нет, спасибо, всё в порядке. Молодой человек, а принесите-ка мне водочки, пожалуйста. Грамм двести».

Официант, видимо привыкший к разным просьбам клиентов, нимало не удивляясь заказу, ответил: «К сожалению, у нас из алкогольной продукции только пиво. Но здесь неподалёку есть кафе „Вираз“, там полный ассортимент».

Захар расплатился и, поблагодарив официанта, подумал: «Хм, символично: моя жизнь делает крутой вираз. Кафе полностью соответствует по названию. Значит, мне туда!»

Буквально через пять минут он распахнул двери кафе

«Вираз», полностью отдавшись воле судьбы...

Глава 8

Захар был абсолютно убеждён не только понаслышке, но и на неоднократном собственном опыте, что любое горе легче переносится, если его «утопить в вине», или «разделить с понимающим человеком». Кафе «Вираз» в тот вечер стало местом, где Захар старательно выполнил оба пункта этой жизненной «аксиомы». Единственное, чего он никак не мог предположить – насколько пророческим окажется в его жизни это место, а точнее, это название...

Уже через час-полтора, изрядно выпив, Захар вёл ду-шещипательные доверительные беседы со своим новым «лучшим другом»: случайным собутыльником, дружба с которым началась с традиционного вопроса: «Будешь?», и столь же традиционного ответа: «Спасибо, вообще-то я не пью...» Как это часто бывает в России, совершенно постороннему человеку, согласившемуся по той, либо иной причине, на роль «жилетки», мы выкладываем без тени сомнения всё, что никогда в жизни не доверили бы даже самому близкому другу, или родственнику. Вот и новый собеседник Захара, оказавшийся человеком достаточно мягким, не умеющим «вовремя отказать», уже буквально через полчаса знакомства знал всю «подноготную» о жизненной ситуации Захара, о его взаимоотношениях с женой, дочерью, любовницами, коллегами, мамой. Периодически вставляя в беседу похожие ситуации из своей жизни, он всё больше завоёвывал «уважение» Захара. Вскоре друзья уже крепко жали друг другу руки и периодически горячо обнимались, вставая со своих мест, и похлопывая друг друга по спине. Они эмоционально обсудили такие важные, но вечно неразрешимые вопросы, как «конфликт отцов и детей»; «недооценённость мужчин в современном обществе»; «коварство, подлость и сребролюбие женщин в отношениях с мужчинами», где ключевой фразой было традиционное: «все бабы – стервы...» Потом последовали уже более спокойные темы «охоты-рыбалки», кадровой политики правительства и состояния спорта в стране. Посетовав на «бесчеловечность» ценовых составляющих экономики государства, друзья, после короткого замешательства, решили «взять ещё». Замешательство состояло в быстро преходящем чувстве неудобства

со стороны Захара в связи с отсутствием у него наличных средств. Новый друг оказался очень убедителен в своих доводах: «У тебя горе. Я угощаю!» Сомнения Захара были быстро исчерпаны. Далее процесс «снятия жизненного стресса» протекал у друзей по традиционному сценарию. Последовали несколько заказов любимых песен, «Шампанское» за соседний столик, танцы с бесплодными попытками знакомства с милovidными хохотушками...

Было уже далеко за полночь. «Потерявший» своего товарища Захар, плохо связывая слова воедино, путешествовал от столика к столику, почти везде встречая негативную реакцию посетителей на своё появление. Поведение его не могло остаться незамеченным со стороны администратора и верзилы в пиджачно-брючной паре из семейства «охранников». «Вышибала» с гладко выбритой головой, практически без шеи переходящей в туловище, и широко расставленными в стороны руками, видимо, для придания внушительности и уверенности самому себе, в грубой форме выставил Захара на свежий воздух. Собрав воедино остатки попорченного чувства собственного достоинства, Захар выкрикнул в закрывшуюся дверь кафе несколько фраз. Обращены они были, видимо, не только к обидчику, а ко всему миру вообще, так как звучали во множественном числе. Самыми приличными словами в этих фразах были: «уроды» и «козлы». Сильно покачиваясь из стороны в сторону, Захар медленно побрёл по малолюдной улице, повинувшись прописанному в глубине мозга врождённому инстинкту «возвращаться домой». Нашупав в кармане телефон, он достал его и попытался разобраться в «прыгающих» записях о пропущенных звонках. Записей было много. Дважды звонил Михаил. «Поправив здоровье» вечером после работы, он делал попытки «поддержать» павшего духом товарища в тяжёлой жизненной ситуации. Пять, или шесть звонков было от мамы, не находящей себе места от беспрецедентного отсутствия сына в её жизни в течение длительного времени. Сын на телефонные звонки не отвечал. Телефон невестки был недоступен. Уже поздним вечером она узнала от внучки, что «мама с папой разъехались и вместе жить не будут». Эта весть совсем лишила её сна, и она, несмотря на физические трудности, связанные с болезнью суставов, решила следующим же утром добраться до квартиры Захара... Один звонок был от Даши. Немного успокоившись после разговора с отцом, она поразмыслила и решила, что была несколько жёсткой с ним. Набрал его телефон, она хотела извиниться за сказанное. Ничего этого Захар, увы, не знал...

Пути, которыми мысли и желания приходят в голову людям в состоянии опьянения, удивительно непредсказуемы, а потому необъяснимы никакими науками. Просматривая пропущенные звонки, Захар вдруг твёрдо решил позвонить Лизе, поехать к ней немедленно, невзирая на время, и поговорить обо всём, что накопилось в его душе за последние годы. Отыскивая номер телефона жены в электронной записной книге, Захар, покачиваясь, и не глядя перед собой, сделал несколько шагов на проезжую часть, слабо проявляющуюся в мигающем жёлтом свете светофора. Где-то неподалёку, за изгибом соседней улицы, он услышал взывающий рёв мощных машин ночных «байкеров», хозяйничающих в это время на городских трассах. Затуманенный мозг Захара никак не отреагировал на этот звук. Буквально через несколько секунд резкий удар хромированной дугой вылетевшего из-за поворота мотоцикла швырнул Захара на обочину...

Нет, он не почувствовал никакой боли. Было ощущение, что кто-то невидимый очень сильно встряхнул всё его тело, после чего мягко опустил на воздушную перину в полной темноте и в такой умиротворяющей тишине...

ЧАСТЬ II

«У каждого из нас свой путь на Земле, свои желания на этом пути, свои трудности, и свой набор качеств для их преодоления. Все встречи, контакты и взаимодействия притягиваются лишь для реализации желаний каждого из нас, получения набора эмоций при реализации этих желаний, и, соответственно, нового опыта в физическом теле.

Именно получаемые эмоции, как разновидности выделяемых во Вселенную энергий, важны для Высшего Разума и для баланса электромагнитной (энергетической) решётки Земли. А мы здесь все – волонтеры, согласившиеся когда-то на эти роли.

Пока мы пребываем в физических телах – наша воля и свобода выбора остаются ограничены определёнными пределами: пределами наших физических возможностей. Истинно свободен лишь наш дух. Поэтому попытки соединиться с ним ещё отсюда, не выходя из тел, столь важны. Когда это удастся – только тогда начинается истинное СО-творение, то есть создание себя в согласии с божественным началом».

И. Яковлев, «Осенизмы»

Глава 1

...Захар не смог бы ответить даже примерно, сколько времени он перемещался в этом тёмном пустом коридоре. И хотя никаких неприятных ощущений он не испытывал, ему стал уже порядком надоедать этот бесконечный однообразный процесс. Нельзя сказать, что процесс был «обычным». Захару подумалось, что его нынешние ощущения очень напоминают те, что он испытывал в странном ярком сне, когда ночевал у Мишки. Тогдашнему сну он не придал особого значения, посчитав всё «какой-то чертёвнёй» и посетовав: «приснится же!» Однако теперь вновь это ощущение невесомости, обострённые осязание, слух и зрение, осознание беспрепятственного полёта, без участия его рук и ног... Изредка он чувствовал какое-то перемещение воздуха вокруг, видел короткие вспышки мельчайших огоньков сверху и снизу, что-то вроде мелькания теней. Но в целом процесс был довольно однообразен, и Захар уже стал убеждать себя, что пора просыпаться. И вдруг один из мерцающих впереди огоньков стал стремительно увеличиваться в размерах. Вскоре границы этого светового шара уже невозможно стало охватить взором, и буквально за какие-то секунды Захар будто бы растворился в незнакомом ему пространстве света. У него немного захватило дух от масштабности происходящего, и он ощутил лёгкое головокружение. Станным было то, что очень яркий золотисто-белый свет, льющийся отовсюду одно- временно, нисколько не слепил глаза. Захар не испытывал страха. Его чувства можно было сравнить с любопытством ребёнка, не ведающего, что в мире бывают опасности. Ему стало очень комфортно, скорость движения значительно замедлилась, и уже не хотелось как можно скорее проснуться. «Не пойму: я что, в раю, что ли?» – с улыбкой подумал Захар. Это был первый вопрос, возникший в его голове за всё время необычного путешествия. Но то, что появилось в его голове сразу после этого, заставило Захара немало удивиться. Он услышал знакомый голос. Точнее, он даже не услышал его! Этот голос как бы образовывался из ниоткуда внутри его головы! «Здравствуй, Захар!» – мягко произнёс голос, – «наконец-то у нас появилась возможность вполне ощутимо и без помех пообщаться». Кому принадлежал знакомый голос, Захар вспомнил сразу. Это был тот самый «наставник» из недавнего необычного сна, в котором он видел всю свою жизнь, как в кинотеатре. Голос тем временем продолжал: «На самом деле, Захар, нет ни рая, ни ада. Люди сами придумывают их себе. А общаемся мы с тобой благодаря одной из твоих тонких составляющих, просто сонастроившись по вибрациям. Впрочем, давай обо всём не спеша и по порядку».

Захар воистину почувствовал себя, как ребёнок, впервые попавший в «Диснейлэнд». Он озирался, разворачивался на 360 градусов, улыбался, и глаза его, как ему казалось, приобретали размеры олимпийских медалей. Не видя и не чувствуя плотности своего физического

тела, он при этом изнутри ощущал его, как и прежде. С тем лишь различием, что у него отсутствовали какие-либо неприятные, или болезненные переживания. Немного ошалев от этих впечатлений, Захар по-детски произнёс вслух: «А вы что, читаете мои мысли? А вы вообще кто? Почему я вас не вижу?» Он чуть было не добавил «дяденька», но сдержался. Ответ пришёл в голову практически без задержки: «Да, Захар, здесь тебе не обязательно напрягать свой речевой аппарат. Твои мысли прекрасно читаемы. Мои, как ты понимаешь, тоже. Я лишь придаю им характеристики, соответствующие диапазону твоего восприятия. Кстати, для твоего удобства и облегчения нашего общения, я сейчас приму привычный для тебя образ, воспринимаемый твоими органами зрения. Хотя, честно сказать, процесс этот достаточно энергоёмкий и потребует определённого времени. Кстати, хорошо, что ты не испытываешь чувство страха! Это здорово сократит время твоей адаптации здесь». О страхе уже не было и речи! Любопытство Захара нарастало с каждой минутой. Он ждал Наставника, как чуда! Как ждут самого лучшего друга из длительной командировки! Он практически не почувствовал никакой паузы в разговоре, тем более, что ничего особенного вокруг не происходило. Единственное, что наблюдал Захар – это некоторое потускнение льющегося отовсюду удивительного света. Впрочем, и это он отнёс на счёт «привыкания» зрения к необычной для него обстановке. Будто бы продолжая тему детства Захара, прямо напротив него, чуть поодаль, как в «сказочных» кинофильмах, пространство вдруг стало уплотняться, формируя образ человека. Через каких-нибудь пару секунд перед Захаром стоял мужчина, которого он не спутал бы теперь, наверное, ни с кем на Земле! Захар даже вскрикнул от неожиданности: «Фодя?!» Он схватился предполагаемыми руками за то место, где на Земле у него обычно была голова. «Мать твою, Фодя, а я тут с ног сбил, ищу тебя! Что ж ты...» – тут Захар вдруг осёкся, внезапно осознав смысл слов, сказанных Мефодием тогда, во время их встречи в пивной: «...когда будешь готов к переменам – дай мне знать!» Вспомнил он мгновенно и свои «вопли» в пиццерии после встречи с дочерью:

«Ну что, экстрасенс? Вот он я! Готов, весь как есть! Давай, меняй мою судьбу! А где ты? Смылся? Нету тебя?!» Всплыл и образ Наставника из «волшебного» сна Захара: вот же он, с неповторимыми, совершенно белыми ресницами! «Я всегда рядом. Если понадобится помощь – заяви об этом!» Так вот почему лицо Мефодия казалось ему таким знакомым! Теперь, когда всё «срослось» и стало понятным, Захар оторопел от своих догадок! Он даже немного присел и выдохнул громким шёпотом: «Так это что получается, я всё это сам вызвал?...» И, будто боясь спугнуть свой сон и проснуться на самом интересном месте, добавил: «Фодя, а ты... кто?!» Мефодий дружелюбно улыбнулся, положил руку на плечо Захара, и, не раскрывая рта, как всегда мягко, сказал: «Успокойся, Захар. Ты же понял, что в этом пространстве нет ничего, что причинило бы тебе зло. А я тот, кого люди, живущие на Земле, обычно называют ангелами-хранителями. Мы – сущности тонкого плана, которые «по роду избранной службы», так сказать, сопровождаем каждого человека, воплотившегося на Земле, всю его жизнь, оказывая невидимую, но очень значимую помощь. Мы – «гиды по судьбе», если можно так выразиться». Захар, ощутив прикосновения Мефодия, действительно почувствовал себя абсолютно спокойно. «Слушай, Фодя, но это ведь сказки всё, я взрослый человек! Какие ангелы? Это же выдумки на самом деле! Скажи правду: что со мной? Я сплю? И после того, как я проснусь, всё снова исчезнет? Хотя, постой... я, хоть и пьяный был, но помню, как шёл домой после кафе... Лизе собирался звонить... потом этот рёв моторов и удар... Фодя? Я... я умер?!»

Захар впервые за всё время пребывания в пространстве света испугался, и ему захотелось расплакаться так громко, как плачет ребёнок, потерявший маму где-нибудь в людном месте. «Фодя, но я не хочу умирать!» – действительно по-детски плаксиво начал канючить Захар. Мефодий, широко улыбаясь, протянул ему руку: «Дай мне свою руку, Захар!» Тот сжал руку «наставника», но привычной плотности тела не чувствовал. Скорее, появилось ощущение лёгкого дуновения тёплого ветерка, как бывает, когда летом, двигаясь в автомобиле на небольшой

скорости, выставляешь руку из окна. При этом вновь возникло состояние полного покоя и безмятежности. Мефодий продолжал: «Захар, во-первых, перестань испытывать страх и другие отрицательные эмоции: ты при этом изменяешь частоту вибраций, и мне становится тяжело с тобой общаться. Во-вторых, пойми, наконец, что здесь ты – дома, и никакой угрозы для тебя не существует, тебя любят и очень ценят. Ну и в-третьих, Захар. Ты не умер. И то, что ты можешь испытывать все присущие тебе земные эмоции – тому доказательство. Твоё земное физическое тело сейчас находится в больнице в коматозном состоянии. Контакт со всеми своими близкими, которые очень переживают за тебя, ты сейчас недоступен, потому что находишься без сознания. Врачи занимаются твоим телом. Они уже сделали тебе несколько операций, чтобы исправить повреждения, которые ты получил в результате травм на дороге. А здесь мы общаемся с тобой благодаря твоей бессмертной, невидимой глазом составляющей, которая на самом деле является определяющей. То есть, по сути, позволяет тебе быть ЧЕЛОВЕКОМ, а твоему телу проявлять все признаки жизни». Захар, внимательно прислушивающийся к словам Мефодия, уточнил: «Это душа, что ли?» Наставник согласился: «Да, люди, в основном, употребляют это обозначение. И это именно твоя душа, Захар, давно взывает к помощи. Она страдает от того, что ты никак не приведёшь свой ум в согласие с ней, и она не может развиваться дальше. Ты неосознанно ведёшь образ жизни, который мешает ей это делать. Сам страдая, ты продолжаешь совершать неверные шаги, не видя выхода, не понимая, как можно изменить свою жизнь к лучшему. Если так продолжать и дальше – ты приведёшь своё физическое тело к гибели, и душа не сможет выполнить ещё множество задач, которые она собирается выполнить в этом теле. Именно поэтому ты сейчас здесь, и я, в качестве союзника и хранителя твоей души, помогаю тебе вспомнить кое-что очень важное о себе самом и о мире, в котором ты получаешь свои опыты. Кстати, будь ты более осознан – не понадобился бы столь травматичный для твоего тела путь. После вполне доступных тренировок, мы могли бы общаться по твоему желанию и необходимости в любое время». Тут Захар заулыбался: «Я разговариваю с ангелом... Фодя, да если кто-нибудь у меня на работе об этом узнает – меня тут же уволят, да ещё и психбригаду вызовут, в „психушку“ упекут!» Мефодий пожал плечами: «Это одно из твоих убеждений, Захар, да и не только твоих, к сожалению. Людям слишком долго внушали, что это признаки сумасшествия. На самом деле, сейчас новое время для каждого человека, да и для всей планеты в целом. Всё большее количество людей возвращается к своим истокам, понимает божественность своего происхождения, получает доступ к знаниям, которыми люди обладали тысячи, и даже миллионы земных лет назад. Оглянись вокруг, Захарушка! Экстрасенсы и маги разных „цветов“ и мастей; медиумы и ченеллеры; целители, каббалисты, и последователи „Вед“; коучи и астрологи; да, в конце концов, даже психологи и священники различных конфессий – все, абсолютно все сейчас используют в той, или иной степени знания, которые в определённый период развития человеческого общества на Земле сделали закрытыми от широких масс людей и обозвали „эзотерическими“, то есть „доступными немногим“, „скрытыми от непосвящённых“. Именно поэтому до сих пор ещё многие люди воспринимают это слово, да и сами знания, как „чужеродные“, или „бесовские“, боятся их, предпочитая безвольно „плыть по течению жизни“, страдать и верить в собственную беспомощность в окружающем мире и зависимость от неведомых сил. К счастью, таких сейчас становится всё меньше».

Захар слушал «наставника», пытаясь вдумываться в сказанное: «Слушай, Фодя, мне пока не всё понятно, но почему-то я тебе безоговорочно верю. Откуда это?» Мефодий покивал головой: «А всё это оттого, Захар, что я лишь освежаю для тебя знания, которые тебе давно известны, и даже вписаны в матрицу твоей древней мудрой души». Захар немного оживился: «Ну хорошо, Фодя, вот ты говоришь, что ты мой ангел-хранитель. Но ведь ещё недавно мы мило беседовали с тобой там, на Земле, в „Закусочной“. Это что, каждый ангел может превращаться в человека и жить на Земле? Тогда почему ты раньше этого не сделал? И ещё. Если ты мой хранитель, то почему допустил, чтоб меня сбило мотоциклом? Почему не уберёг?»

Мефодий даже улыбнулся: «Очень хорошо, Захар, что ты задаёшь много вопросов! Ведь только в этом случае к тебе придут ответы, а, значит, и дополнительные знания!» Тут он огляделся вокруг, будто вспоминая о чём-то, и продолжил: «Я непременно отвечу на все твои вопросы, Захар. Тем более, что здесь, в мире тонких вибраций, нет таких земных понятий, как время и пространство, а потому нам совершенно некуда спешить. Однако, прежде чем мы продолжим беседу, я хочу предложить тебе кое-что для лучшего комфорта. Мы с тобой сейчас находимся в диапазоне тех вибраций твоих тонких тел, которые соответствуют твоим мыслям, фантазиям, воображениям. Подумай, где тебе сейчас комфортнее всего было бы находиться: вообрази природный ландшафт, местность со всеми подробностями, и обстановка, о которой ты подумаешь – тотчас появится вокруг нас. А потом мы с тобой продолжим разговор». Тут Захар поймал себя на мысли, что он настолько поглощён рассказом своего Хранителя, что привычный мир для него перестал существовать. Он даже не сразу нашёлся, о чём же таком подумать, как предлагает Мефодий. Потом попытался прикрыть глаза и вспомнить свои ощущения, когда в юности, в одном из студенческих стройотрядов, он работал на строительстве животноводческой фермы где-то в сельской местности. Был погожий летний денёк, и они с ребятами прилегли отдохнуть в перерыве прямо на траве неподалёку от объекта. Подставив лицо солнцу и закрыв глаза, Захар на всю жизнь запомнил ощущение звенящего покоя и умиротворения, в котором он тогда растворился. Как только он вспомнил об этом – обстановка вокруг мгновенно изменилась, как будто Захар с ангелом находились в гигантской фотостудии, и кто-то невидимый резко сменил фотообои на всех стенах одновременно. Уже через несколько секунд собеседники уселись на пушистой траве пёстро-зелёного ромашкового луга, залитого не совсем привычным белым светом. Взгляд Захара был настолько сосредоточенным и горящим от нетерпения, что Мефодию даже не пришлось спрашивать, готов ли его подопечный слушать дальше, и он лишь понимающе улыбнулся...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.